

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 183

ФИННО-УГОРСКИЕ НАРОДЫ РОССИИ

**ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ,
ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ**

Москва
2005

ISBN 5-201-13758-x (44)

© Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»
Института этнологии и антропологии РАН. Документ № 183.

Редакционная группа:

В. А. Тишков (отв.ред.)
Н. А. Лопуленко
М. Ю. Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
119334, Москва, Ленинский проспект, д.32 а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

ФИННО-УГОРСКИЕ НАРОДЫ РОССИИ: ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

В подготовке доклада принимали участие:

В.С. Воронцов, Ю.П. Шабаев, В.Д. Шаров, Н.В. Шилов

Под общей редакцией

чл. корр. РАН В.А. ТИШКОВА и д.и.н. Ю.П. ШАБАЕВА

Об авторах

ВОРОНЦОВ Владимир Степанович

канд. ист. наук, работает в Удмуртском государственном университете, Ижевск. Область научных интересов: история XX века, этнические и этнополитические процессы в Удмуртской республике и Российской Федерации.

ШАБАЕВ Юрий Петрович

докт. ист. наук, работает в Институте ЯЛИ Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар. Область научных интересов: этнополитология, этносоциология.

ШАРОВ Владимир Дмитриевич

канд. ист. наук, работает в Марийском научно-исследовательском институте ЯЛИ им. В.М.Васильева при Правительстве Республики Марий Эл, Йошкар-Ола). Область научных интересов: этнополитология.

ШИЛОВ Николай Владимирович

канд. ист. наук, работает в Мордовском государственном педагогическом институте им. М. Е. Евсевьева, Саранск. Область научных интересов: этнополитическая и этноконфессиональная ситуация в Республике Мордовия.

About the Authors

VORONTSOV Vladimir Stepanovich.

Ph.D. (Candidate of historical sciences), works at the Udmurt State University in Izhevsk. His fields of academic interests include history of the 20th century, ethnic and ethno-political processes in the Republic of Udmurtia and in the Russian Federation.

SHABAEV Yury Petrovich,

Ph.D. (Doctor of historical sciences), works at the Institute of Language, Literature and History of the Komi Academic Center, The Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, in Syktyvkar. His fields of academic interests include ethnopolitics and ethnosociology.

SHAROV Vladimir Dmitrievich,

Ph.D. (Candidate of historical sciences), works at the V.M. Vasiliev Mari Scientific-Research Institute of Language, Literature and History of the Government of the Republic of Mari El in Yoshkar-Ola. His field of academic interests – ethnopolitics.

SHILOV Nikolay Vladimirovich,

Ph.D. (Candidate of historical sciences), works at the M.E. Evseev Mordvinian State Pedagogical Institute in Saransk. His fields of academic interests include ethno-political and ethnoconfessional situation in the Republic of Mordovia.

Summary

VORONTSOV V.S., SHABAEV Y.P., SHAROV V.D., SHILOV N.V.

FINNO-UGRIC PEOPLES OF RUSSIA: GENERAL SITUATION, PROBLEMS AND SOLUTIONS

This report has been prepared by experts from regional academic and university centers of republics, situated in the Volga basin and the Urals, under the supervision of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Contemporary ethno-political situation in this region is analyzed in the report, including current position of the Finno-Ugric peoples of the Russian Federation and new social-cultural and ethno-political problems that they are facing in these days.

**ПОЛИТИКА И НАУКА О ПОЛОЖЕНИИ ФИННО-УГОРСКИХ
НАРОДОВ РОССИИ
(ВМЕСТО ПРИДЕСЛОВИЯ)**

Под руководством Института этнологии и антропологии РАН группа ученых из региональных научных центров поволжско-приуральских республик подготовила независимый экспертный доклад о положении финно-угорских народов Российской Федерации. Ранее аналогичные доклады были подготовлены по Северному Кавказу и по коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока. Этот доклад имеет сугубо экспертный характер, хотя и содержит заключительные рекомендации в адрес государственных органов, гражданских институтов, общественных организаций и научного сообщества. Однако доклад неожиданно приобрел и некоторый внешнеполитический аспект, ибо в 2005 г. своего рода кульминации достигла международная кампания о нарушении прав марийского народа и в целом финно-угорских народов в России.

Если верить эстонской прессе, то в столице Словакии Братиславе встретившийся с президентом США Дж. Бушем бывший премьер-министр Эстонии Март Лаар передал советникам президента обращение в защиту марийцев. Это обращение составили ученые Эстонии, Финляндии и Венгрии, а подписали его около двух десятков известных политиков и общественных деятелей (среди них бывший президент Эстонии Леннарт Мери, бывший председатель парламента Финляндии Рийтта Уосукайнен, американский профессор Пол Гоубл, ныне преподающий в Университете Тарту). В «Обращении в поддержку марийского народа» содержится призыв к российским властям принять меры по прекращению травли представителей демокра-

тической оппозиции в Республике Марий Эл. Поводом послужило избиевание председателя Всемарийского Совета и главного редактора международной финно-угорской газеты «Кудо-Коду» Владимира Козлова. Март Лаар сообщил, что для команды Буша это была новая тема, но тщательно изучив данные, они очень даже заинтересовались этим. Лаар посоветовал эстонским политикам и дальше заниматься этим вопросом.

В эти же дни эстонские парламентарии намеревались посетить Марий Эл для подготовки рапорта Европарламенту «О положении финно-угорских народов», но получили отказ от депутатов местного Госсобрания. По этому поводу базирующийся в Эстонии Информационный центр финно-угорских народов сообщил на своем сайте о «массовых нарушениях конституционных прав и свобод жителей республики», о том, что «жители Марий Эл брошены один на один с командой президента Леонида Маркелова, им негде искать защиты». Эстонский Институт прав человека призвал поддержать народ мари: «Жалуясь на ущемление своих культурных прав и прав человека, марийцы обратились за помощью к родственным финно-угорским народам, в том числе к эстонцам. Россия же постоянно обвиняет Эстонию в нарушении прав русскоязычного населения. Эти обвинения никак не подтвердились. Все международные комиссии, в том числе от ЕС и ОБСЕ, не обнаружили никакого ущемления русскоязычных жителей. Культурные права русских жителей Эстонии защищены лучше, чем права марийцев в России. Пропагандистская

война российских властей против трех Балтийских стран — Эстонии, Латвии и Литвы — вызвана страхом, что бывшие колонии подадут плохой пример другим, демонстрируя быстрый прогресс по сравнению с застоем и угасанием под управлением Москвы. Однако после того как российские власти ложными обвинениями в адрес соседей сами привлекли внимание к вопросу о правах человека, их теперь обвинило собственное национальное меньшинство в том, что малые народы России испытывают террор и их культуры и языки уничтожаются. Правами марийцев теперь займется на европейском уровне. Интергруппа Европарламента, занимающаяся вопросами национальных меньшинств и региональных языков, на своем следующем заседании намерена рассмотреть вопрос о нарушении прав марийского меньшинства в Российской Федерации. Проблемы, на которые жалуются марийцы, затронул и президент Джордж Буш на встрече с российским президентом Владимиром Путиным, хотя и не указывал на конкретный народ».

12 мая 2005 г. Европейский парламент по инициативе эстонских и финских парламентариев принял резолюцию «О нарушениях прав человека и демократии в республике Марий Эл Российской Федерации», в которой дается бездоказательная негативная оценка выборов президента республики в декабре 2004 г. и содержатся утверждения о дискриминации марийцев и бедственном положении финно-угорских народов в целом.

Можно было бы и не комментировать все эти материалы по причине их саморазоблачительной провокационности, если бы не знать, что именно таким образом начинаются и осуществляются самые серьезные международные акции от Косово до Ирака. Проблема меньшинств стала разменной монетой в больших и малых геополитических играх и этому необходимо

как-то противодействовать. Одно из направлений такого противодействия — это выяснить «откуда растут ноги» и принять на этот счет какие-то меры (разумеется, что не еще одно избиение!).

Итак, 7 февраля 2005 г. в Йошкар-Оле был избит Владимир Козлов. После этого Совет землячеств Марий Эл в Москве выступил с обращением ко всем финно-угорским народам и к международной общественности по поводу террора против марийцев в республике. А уже 21 февраля появилось сочиненное в Эстонии за первой подписью американца Пола Губбла то самое Обращение, которое «вызвало огромный международный резонанс», как сообщает сайт Информационного центра. Что такое московский «совет землячеств», следует хорошо знать. Это обычное средоточие оппозиционных политических активистов, которые или проиграли борьбу за власть в том или ином регионе, или же планируют прийти к власти, используя для этого разные методы, в том числе и дискредитацию правящей команды. Эти московские «представители народа» обитают в столице России при хороших синектурах или же с награбленными до этого в том или ином регионе деньгами. Отсюда они строят свои политические кампании, будь это Башкирия, Калмыкия, Дагестан или Марий Эл. Некоторые из них руководствуются вполне резонными мотивами улучшить далеко не идеальные режимы власти в российских регионах и иногда действительно добиваются своих целей, в том числе могут даже выиграть очередные выборы и прийти к власти. В Москве есть не только мощная политическая поддержка и деньги, но и информационные ресурсы. Но всему этому есть свой предел. А этот предел диктуют не только национальные интересы страны, но и нормы политической этики и элементарной объективности. Не должно в целях внутри политических сшибок регионального или

федерального уровня призывать в помощники профессиональных международных провокаторов, каким, например, является Пол Губл (вспомним его план по Карабаху или выступления за независимость Чечни). Еще более недостойным является обращение к правозащитникам из Эстонии, у которых оказывается с этим делом все идеально («никакого ущемления»!), а у России все плохо, особенно с малыми народами.

Мы не можем сейчас обсуждать ситуацию в самой республике и тем более столь бесцеремонно вмешиваться в дела этой этнотерриториальной автономии, где существуют своя конституция и своя легитимная власть. Проблема политической оппозиции и демократической смены власти существует во многих российских республиках, но руководство Марий Эл как раз не из числа самых авторитарных в сравнении с некоторыми другими регионами. В республике есть радикально настроенная группа марийской интеллигенции, которая претендует на большую власть и представительство, чем это позволяют ее демографические и политические ресурсы, а также реальная поддержка избирателей.

Положение с культурами и языками финно-угорских народов России также имеет много аспектов и крайне не позволительно говорить о политике их уничтожения. Именно российская наука заложила основы мирового финно-угроведения. Эстонцам, венграм и финнам еще нужно трудиться десятилетиями, чтобы сделать что-то подобное во благо этой части мирового культурного достояния. Что касается российского государства, в том числе и нынешней Российской Федерации, то само по себе предоставление финно-угорским народам формы этнотерриториальной автономии в виде республик-государств — это уже более чем простое признание и поддержка меньшинств, которыми ки-

чатся эстонские власти и правозащитники.

Крайним лицемерием можно назвать использование данных о численности этнических общностей и состоянии малых языков финно-угорской группы в России. Длительное пребывание в составе российского государства и в поле доминирующей русскоязычной культуры не могло не привести к определенной ассимиляции этой части населения. Степень этой ассимиляции в советское и постсоветское время гораздо меньше, чем она имеет место среди аналогичных групп и в схожих ситуациях в других странах мира, где на протяжении XX в. исчезли сотни малых культур. Значительная часть мордвы и марийцев, хантов и манси, карел и саамов перешли на русский язык, не утратив своей идентичности, как, кстати, это сделали не только ирландцы или аборигенные народы Северной Америки, но и очень многие представители малых народов по всему миру. Языки мирового распространения и языки основного населения государства всегда предоставляют больше возможностей для жизненного преуспевания и для личностного самоопределения. Именно поэтому как родители, так и молодые люди в России отдают часто предпочтение свободному знанию и приоритетному использованию русского языка, который в этом случае является родным для гражданина любой национальности, а не только русской. Политизированные защитники меньшинств и некоторые ученые могут по этому поводу высказывать разные озабоченности, но им никто не дал право решать за родителей в какие школы и какому языку обучать своих детей.

Состояние с изучением, преподаванием и знанием языков финно-угорской группы в Российской Федерации можно оценить как достаточно благоприятное, хотя вопрос о реализации

обучения на родном языке отнюдь не легко разрешим. Следует напомнить, что в первый период установления в стране советской власти была проделана немалая работа по созданию письменности для немалого числа бесписьменных народов царской России. При этом возникли немалые трудности, связанные с тем, что у ряда из них языки разделялись на несколько диалектов, столь отличных, что их носители не понимали друг друга. К сожалению, все эти труды практически пропали даром, т. к. к концу 1930-х гг. преподавание на родном языке у большинства малых народов было правительственными распоряжениями прекращено. В Карелии это произошло еще раньше, причем вопреки директивам Москвы. Республиканское правительство, состоявшее в то время в основном из т. н. красных финнов (революционеров, эмигрировавших из Финляндии после поражения там революционного движения) стояло на позиции внедрения в школах преподавания на финском языке. Вероятно, они верили в скорое начало мировой революции, может быть, у кого-то были идеи воссоздания единства финноязычных народов — существенно то, что в школах внедряли финский язык, которого дети не понимали.

В настоящее время перед проблемой обучения детей на родном языке в тех же поволжско-приуральских республиках приходится сталкиваться как со старыми, так и новыми трудностями. Несомненно, что немалый ущерб образованию малых народов на родном языке нанесло закрытие национальных школ в 1930-е гг. Кроме того, сегодня приходится констатировать, что у марийцев сложилось два литературных языка, то же самое относится к мордве и коми. Только в Удмуртии выработался единый литературный язык. Особенно сложно обстоит дело с преподаванием саамского языка, российские саамы говорят на 4-х диалектах.

Подготовка и учебников, и преподавательских кадров при такой ситуации требует особенно больших затрат.

Обращаясь к опыту соседних стран, отметим, что в Финляндии в ходе 1986—1991 гг. были приняты хорошие решения, учитывающие полное равноправие саамского языка во всех сферах и обучение ему в школах на всех диалектах. Однако осуществление этих решений «споткнулось» в благополучной Финляндии о финансовые трудности, а использование саамского языка в официальной сфере оказалось нереальным. Вообще в Финляндии обеспечение учебы на родном языке для детей различных «официально признанных» меньшинств шло до недавнего времени на разных принципах. Так, евреи имеют для своих школ государственную поддержку, татары содержат их за свой счет, данных о цыганах у нас по этому вопросу нет. Русское население, составлявшее в Финляндии до 1945 г. примерно 12 тыс. чел., к «меньшинствам» не было причислено и обучение русскому языку велось за счет как местных доноров, так и из зарубежных фондов поддержки российских эмигрантов. В настоящее время в Финляндии действует закон 1999 г. об интеграции мигрантов и национальных меньшинств, который дает им право на сохранение своего языка и культуры.

В последние годы языковая ситуация среди финно-угорского населения России улучшилась по причине роста этнического самосознания и культурного национализма в регионах и среди меньшинств, а также благодаря государственной поддержке и использованию частных ресурсов в условиях рыночной экономики. Однако следует сказать со всей определенностью, что русский язык и православие вместе с народными традициями были и останутся основными культурными координатами для подавляющего большинства российских финно-угров. Этот вы-

бор был сделан еще предыдущими поколениями и его нужно уважать. Как сделали аналогичный выбор многие другие аборигенные народы мира в пользу испанского или английского языков и христианской (католицизм и протестантство) религии. Попытки в целях «наказания России» загнать российских финно-угров в культурные изоляты или же ограничить их взаимодействия мифическим «финно-угорским миром» представляют собой новую разновидность европейского расизма.

Наиболее разительным проявлением этой формы социального расизма и откровенного лицемерия стали озабоченности по поводу уменьшения численности финно-угорских народов, которые выявились в переписи населения России 2002 г. Уменьшение численности даже в официальных документах Европарламента о положении финно-угорских народов приводится как свидетельство ущемления прав и плохого положения этой части населения страны.

Во-первых, уменьшение численности тех или иных групп в составе населения страны, как и уменьшение населения страны в целом, имеет самое косвенное отношение к условиям жизни и правам тех или иных народов. После 1989 г. Эстония потеряла пропорционально значительно больше как самих эстонцев, так и населения в целом, чем финно-угорские группы России. Однако о нарушении прав или плохом положении эстонцев как народа речи не идет. Наряду с сокращением рождаемости немалую роль, в частности в поволжско-приуральских финноязычных республиках, играют ассимиляционные процессы. Им содействуют как урбанизация аборигенного населения, так и его невысокий процент в составе населения этих республик. Последнее обстоятельство немало содействует росту смешанных браков. Аналогичные процессы имеют место в других странах. Так, в Финляндии при

наличии там закона о равноправии двух государственных языков — финского и шведского и достаточно развитой системе образования для местного шведского населения со времен принятия этого закона в 1922 г. численность финляндских шведов сократилась вдвое. Если учесть, что на Аландских о-вах она сохранилась в прежней норме, то, вероятно, на материковой части страны она была практически даже выше 50%. Конечно, определенную роль в этом сыграла и эмиграция шведского населения в первые послевоенные годы за рубеж. Но наряду с этим нельзя не учитывать и число смешанных шведско-финских браков. В некоторые годы прошлого века из числа вступающих в брак шведских мужчин почти половина женилась на финках. Дети от смешанных браков в 1940–1950-е гг. имели затем финскую национальность.

Во-вторых, увязка положения группы с динамикой ее численности противоречит принципам культурной свободы человека в современном мире. Доклад ООН 2004 г. о развитии человеческого потенциала был специально посвящен этой теме и в нем среди основных принципов культурного самоопределения и самовыражения сформулировано не только право на признание и статус этнических групп и право индивида принадлежать к определенной группе, но и право на отказ делить граждан одного государства по членству в этнических группах и право человека на выход из той или иной группы или культуры и переход в другую. Это же, кстати, касается и сферы религии. Попытки европарламентариев, замороженных восточно-европейским этнонационализмом, навязать замечательные и несостоятельные подходы к этнокультурной политике государства и к свободному выбору людей должны быть решительно отвергнуты.

Вышеупомянутая провокация против России направлена прежде всего против самого марийского народа, ибо отрицает его нынешний выбор по части политической организации, легитимной власти в республике и культурной политики. Именно самим марийцам и всем жителям республики нужно прежде всего самоорганизоваться против внешнего вмешательства, рассчитанного на конфликт и дестабилизацию и на примитивное «наказание России» со стороны «бывших колоний» и «младших братьев». Летом 2005 г. в Йошкар-Оле успешно прошел очередной международный научный конгресс финно-угроведов. Знакомство с реальной ситуацией в республике позволило озабоченным ученым и политикам вполне позитивно высказаться по вопросам положения национальных меньшинств и состояния их культур в России. Но поскольку ранее было принято политическое решение о «геноциде», подобные высказывания подверглись резкому осуждению, а эстонскому министру образования чуть не стоили должности после публичной разборки в парламенте.

Еще более политизированными оказываются т. н. конгрессы финно-угорских народов. На европейской арене на антироссийской основе даже сложилась некая коалиция «финно-угорских стран». Венгры начинают представляться как «ближайшие родственники» хантов и манси и даже саамов и вепсов, а последние становятся родственниками обских угров. Напомним, что термин «финно-угорские народы» по сути дела лингвистический, в этом аспекте он используется только в филологии и этнологии. Распад этой некогда существовавшей языковой общности произошел в глубочайшей древности, а расселение носителей этой группы языков необычайно широко: примером служат две ветви угорских народов — ханты и манси, живущие в Сибири, и венгры, расселившиеся в

юго-восточной части Европы. Но и среди финно-угорских народов России различия как в культуре, так и других сферах жизни весьма неоднородны и это требует различного подхода к их нуждам (как это было и ранее, так и сегодня) со стороны правительства. В любом случае общность российских финно-угров, живущих веками рядом со славянским или тюркским населением, с другими народами России, а тем более — с населением региона проживания, на порядок больше, чем с венграми или эстонцами.

Термин «финно-угорские государства» по отношению к Венгрии, Эстонии и Финляндии в принципе вообще неудачен: угорским можно было бы называть лишь Венгрию, а финноязычными Эстонию и Финляндию, но на сегодня все они уже не моноэтничны. К тому же никаких других подобных группировок государств на основе реконструкции исторической лексики (славянские, тюркские, кельтские, романские, германские и пр.) европейское сообщество не допускает. Подобное оказалось возможным в силу слабой компетентности российских политиков и одержимости этнонационализмом ряда общественных активистов, выступающих от имени финно-угорских народов.

На IV Всемирном конгрессе финно-угорских народов в Таллине в августе 2004 г. с активным участием российских представителей шел откровенный и односторонний «полив» России как государства и очернение положения национальных меньшинств в нашей стране. Марийские, мордовские, удмуртские и другие активисты, как и руководство Международного консультативного комитета финно-угорских народов во главе с профессором Марковым и Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации во главе с профессором Мосиным смиренно воспринимают откровенную политизацию этой новой формы общественно-политических связей, выросшей из

когда-то сугубо научного сообщества финно-угроведов. Как сказал мне однажды министр по межнациональным отношениям Республики Коми, «как же мы их будем критиковать: у нас же там наши дети учатся». В такой ситуации не стоит тратить ресурсы российских налогоплательщиков и время на поддержку и организацию подобных лжекоалиций. Если некоторые общественные активисты и ученые позволяют втравливать себя в грязную политику и стремятся использовать три-

буны конгрессов не для научных обсуждений, а для провокаций, это дело их научной компетенции и гражданской совести.

Предлагаемый доклад содержит объективную и полную информацию по данной проблеме и может быть использован с пользой учеными, преподавателями, журналистами и государственными служащими для практической работы.

В.А. Тишков

ВВЕДЕНИЕ

Народы финно-угорской группы составляют самостоятельную ветвь, принадлежащую к уральской языковой семье, и широко расселены по территории Евразии, хотя их общая прародина, по всей вероятности, находится в Прикамье или на западных и восточных склонах Среднего Урала.

Общая численность финно-угорских народов составляет 25 млн. чел. Крупнейшими из них являются венгры (около 15 млн. чел.), финны (5 млн.) и эстонцы (более 1 млн.). Население трех европейских стран – Эстонии, Венгрии и Финляндии в большинстве своем состоит из финно-угров. Кроме того, к финно-уграм относятся саамы, которые живут в Норвегии, Швеции и Финляндии, а также ливы Латвии, численность которых составляет всего несколько сот человек и которые находятся под угрозой исчезновения.

В России проживает 13 финно-угорских народов общей численностью 2,687 млн. чел. Два из этих них проживают за Уралом, в бассейне реки Оби. Это – ханты и манси, которые вместе с венграми относятся к угорской группе, а остальные – это народы, которые исторически проживали

на территории Восточной Европы: карелы, коми, коми-пермяки, удмурты, марийцы, мордва, водь, ижора, вепсы. В России проживают также часть саамов, субэтническая группа финнов – финны-ингерманландцы и часть этнографической группы южных эстонцев – сету. Остальное финно-угорское население России по большей части представляет собой диаспоры или этноареальные группы, которые сформировались в результате переселений (к примеру, тверские карелы или эстонцы в Сибири, коми на Кольском полуострове).

В 1920 г. на территории компактного проживания карел, марийцев и удмуртов большевики создали автономные области, в 1921 г. автономная область была создана для коми, в 1930 г. – для мордвы. На этнической территории коми-пермяков в 1925 г. был создан первый в СССР национальный округ, в 1930 г. этнические территории хантов и манси были выделены в Ханты-Мансийский национальный округ. В 1927 г. Карельская автономная область (Карельская трудовая коммуна) была преобразована в автономную республику (в 1940 г. – в Карело-Финскую ССР, в 1956 г. – в Ка-

рельскую АССР). В 1930-е гг. статус республик получили другие автономные области. В 1991 г. во время так называемого парада суверенитетов автономные республики изменили свой статус и стали республиками в составе РФ (декларация о суверенитете не была принята только в Мордовии)¹.

Индустриализация республик с финно-угорским населением, которую большевики считали неременным условием национального прогресса, привела к существенному изменению этнического состава населения этих республик, ибо в сугубо аграрные регионы была привлечена масса специалистов из других регионов страны. Изменение этнического состава населения вместе с отсутствием культурных барьеров между финно-уграми и основным составом населения страны, способствовали усилению ассимиляционных тенденций среди финно-угорского населения. Эти тенденции обусловлены в большей мере не официальной политикой, а характером межличностного взаимодействия. Так, в Карелии и в Коми уже долгие годы более половины заключаемых браков карел и коми – это браки с представителями других этнических групп. Доля гетерогенных в этническом отношении семей приближается к половине всех семей в этих регионах.

Кроме того, усилению процессов этнической эрозии среди финно-угров и межэтнической интеграции способствуют общая демографическая и культурная ситуация, недостаточно эффективная культурная политика региональных властей, проблемы социально-экономического характера, связанные с тем, что финно-угорские этносы России в большинстве своем все еще остаются сельскими, которые проживают в не очень благоприятных почвенно-климатических условиях, а регионы их проживания (за исключением Коми,

Удмуртии и Ханты-Мансийского округа) – дотационные и недостаточно развитые с низким уровнем доходов населения. В Коми-Пермяцком округе 87 % бюджета формировалось за счет федеральных дотаций, в Марий Эл – до 80 %. По экономическому рейтингу только Ханты-Мансийский округ входит сегодня в число регионов-«локомотивов», а все остальные «финно-угорские» регионы в шкале российских регионов являются середняками и относятся экспертами либо к «регионам с неопределенными перспективами», либо к «проблемным регионам»².

Однако экономический анализ ситуации в регионах с финно-угорским населением есть самостоятельная научная проблема, а потому мы рассмотрим в данном докладе лишь общую культурную, социальную и этнополитическую ситуацию в названных регионах. Полагаем, что понять и оценить комплекс проблем финно-угорских народов России могут лишь эксперты обладающие большим опытом исследовательской работы и длительное время осуществляющие мониторинг этнокультурной, этнодемографической, этнополитической и общей ситуации в регионах проживания российских финно-угров. Поэтому авторский коллектив данного доклада составлен именно из таких экспертов. При этом мы уважаем и принимаем во внимание и другие мнения, которые высказываются политиками, активистами общественных движений и заинтересованными лицами по поводу положения финно-угорских народов, но подчеркиваем, что это лишь мнения и мнения непрофессиональные. Для реализации серьезных и эффективных мер поддержки финно-угорских народов, которые активно дискутируются, необходим, прежде всего, профессиональный анализ имеющихся проблем, часть из которых мы осветили в данном докладе.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Демографическое развитие любого народа происходит под воздействием многих факторов: уровня экономического развития этноса, состояния здоровья населения, культурных традиций и т. д. Причем влияние этих факторов не есть величина постоянная, а сама динамика демографических изменений в силу своей сложной природы не может быть просто экстраполирована на обозримую перспективу с целью построения социальных прогнозов. Общий характер демографического развития финно-угорских народов РФ достаточно определенно можно проследить с начала XVIII столетия. Известный эстонский исследователь Хено Сарв показал, что динамика демографического развития российских финно-угров не была устойчивой, хотя не смог обоснованно доказать влияние различных внешних воздействий на это развитие, ограничившись лишь сомнительным утверждением о том, что с конца XIX в. названные народы подвергались усиленной русификации¹.

Однако, имея в виду, что под русификацией понимаются процессы естественной ассимиляции, которые неизбежны в любом полиэтническом сообществе, заметим, что эти процессы имели двусторонний характер и особенно это было заметно в этноконтактных зонах². При этом решительное влияние на ход демографического развития ассимиляция стала оказывать лишь во второй половине XX столетия, когда существенно изменилась социальная структура финно-угорских народов и этнодемографические пропорции в местах их традиционного проживания. Между первой всеобщей переписью населения Российской империи 1897 г. и последней Всесоюзной переписью населения СССР 1989 г.

численность большинства так называемых восточно-финских народов заметно возросла (исключением являются карелы, вепсы и финны), хотя темпы роста численности различались очень серьезно: численность удмуртов, к примеру, увеличилась на 56,4 %, марийцев – на 78,3 %, коми-пермяков – на 45,2 %, коми – на 224,6 %³.

Со второй половины XX в. началось заметное сокращение численности мордвы, карел, вепсов, ижорцев, води, саамов. Решающую роль в этом сокращении сыграли процессы этнической ассимиляции, поскольку эти народы из сельских этносов стали превращаться в городские, но при этом в городе общины финно-угров не доминировали ни в численном, ни в культурном отношении, и их представители все активнее стремились интегрироваться в доминантное культурное большинство населения. Воздействовали на сокращение численности изменения в характере сельского расселения, перемены в хозяйственной жизни, притеснения со стороны государства (особенно в отношении финнов). Конечно, и официальная политика формирования некой надэтнической общности, которую именовали «советский народ», играла определенную роль в усилении процессов ассимиляции, но решающее воздействие оказывали демографические пропорции населения, которые на территории проживания финно-угорских народов значительно изменились в XX столетии. За исключением коми-пермяков, все финно-угорские народы в своих национально-территориальных образованиях сегодня являются меньшинствами. При этом стоит заметить, что в сельской местности этнодемографические пропорции изменились незначительно и основные измене-

ния были связаны с урбанизацией финно-угорских регионов и особенностями формирования городского населения. Города изначально формировались как поселения, где полностью доминировало русское население и формировалась русскоязычная культурная среда. Финно-угорское население в течении XX в. активно мигрировало в города и его адаптация к городской среде по своему содержанию представляла собой процесс аккультурации сельских мигрантов доминирующим культурным сообществом. Тем не менее абсолютная численность горожан среди финно-угорских народов в советские годы неуклонно возрастала. Но одновременно происходили и важные перемены в этнокультурных ориентациях населения и особенно молодежи, которые неизбежно должны были сказаться на общем характере развития финно-угорских народов⁴. Значительная часть молодежи ориентирована на интеграцию в доминантное большинство и не хочет идентифицировать себя с миноритарными сообществами. Данные перемены в массовом сознании в конечном итоге и определили те новые явления в демографическом развитии финно-угорских народов РФ (прежде всего восточно-финских народов), которые были зафиксированы последней переписью населения.

Результаты переписи 2002 г. показали, что доля коми в населении РК составляет 25,2 %, доля коми-пермяков в КПАО – 59,0 %, удмуртов в Удмуртии – 29,3 %, марийцев в Марий Эл – 42,9 %, мордвы в Мордовии – 31,9 %, карел в Карелии – 9,2 %, хантов и манси в Ханты-Мансийском автономном округе – 1,9 %. Республика Коми наряду с Ханты-Мансийским автономным округом оказалась в числе двух национально-государственных образований финно-угорских народов, в которых доля титульного населения возросла в сравнении с 1989 г. В Карелии, Удмуртии, Коми-

Пермяцком автономном округе, Республике Марий Эл, Мордовии доля титульных этносов в населении сократилась, хотя и не слишком значительно.

На территории своих национально-государственных образований в 2002 г. проживало 70,3 % карел, 87,4 % коми, 64,1 % коми-пермяков, 86,5 % манси, 51,7 % марийцев, 33,7 % мордвы, 72,3 % удмуртов, 59,7 % хантов, т. е. уровень «диаспоризации» финно-угорских этносов совершенно разный. Естественно, что локальные группы, оказавшиеся за пределами своих национально-государственных образований имеют более интенсивный характер межэтнических контактов и более подвержены ассимиляции, поэтому, чем выше уровень «диаспоризации», тем больше и ассимиляционные потери этносов.

За исключением хантов, манси и саамов все другие финно-угорские народы РФ понесли существенные потери в своей численности: численность марийцев уменьшилась на территории РФ на 40 тыс. чел. (снижение на 6,2 %), коми – на 42 тыс. (снижение на 13 %), коми-пермяков – на 22 тыс. (снижение на 15,0 %), удмуртов – на 78 тыс. (снижение на 10,9 %), карел – на 32 тыс. (снижение на 25,6 %), мордвы – на 230 тыс. (снижение на 21,4 %), вепсов – на 4,2 тыс. чел. (снижение на 34,5 %). Рождаемость на территории проживания финно-угорских народов очень низкая, а смертность существенно превышает уровень рождаемости. При этом существенной разницы в показателях рождаемости и смертности между различными этническими общностями не наблюдается. Во всех финно-угорских регионах общий уровень смертности сельского населения заметно выше городского при достаточно близких значениях общего уровня рождаемости, а на селе, к примеру, проживает половина коми Республики Коми. Характерно, что в 2004 г. естественная убыль населения в Коми-Пермяцком

АО составила 10,9 чел. на 1000 жителей и была максимальной среди финно-угорских регионов РФ, хотя, как отмечалось выше, здесь коми-пермяки составляют большинство населения. Далее по показателям естественной убыли населения следуют Карелия и Мордовия – соответственно 8,1 чел. и 6,1 чел. на 1000 жителей.

Конечно, кризисные явления в демографическом развитии финно-угорских народов (и территорий) очевидны, но объяснять их политическими установками российских властей, как это делают некоторые исследователи, было бы явным упрощением. Реальная картина много сложнее и анализ демографической ситуации, складывающийся на территории проживания финно-угорских народов это подтверждает.

Из всех российских финно-угорских народов оптимальной можно признать только ситуацию, которая имеет место среди хантов, манси и саамов, ибо у них соответственно 33,8 %, 32,8 % и 24,4 % в возрастной структуре этноса приходится на лиц в возрасте моложе трудоспособного при достаточно благоприятном соотношении полов. У всех других финно-угорских народов демографическая пирамида имеет нарушенные пропорции. К примеру, у вепсов доля населения моложе трудоспособного возраста составляет только 7,1 %, у мордвы – 10,5 %, у коми-пермяков – 10,2 %, у коми – 16,7 %, у удмуртов – 15,6 %, у марийцев – 19,0 %.

В целом, по сравнению с предыдущей переписью, произошло заметное демографическое старение населения большинства финно-угорских народов и медианный возраст снизился только у хантов и манси. Причем увеличение среднего возраста оказалось весьма значительным: у карел в 2002 г. он составил 45,7 года, у коми – 38,8, у коми-пермяков – 40,8, у манси – 24,3, у марийцев – 36,7, у мордвы – 44,4, у удмуртов – 40,0, у хантов – 23,7 лет. При этом у

коми, коми-пермяков и удмуртов средний возраст городского населения выше, чем у сельского, у остальных – наоборот.

Соотношение полов у коми в трудоспособном возрасте таково, что женщины заметно преобладают над мужчинами: численность коми мужчин в данном возрасте составляет 89 299 чел., а женщин – 99 298, в возрасте старше трудоспособного женщины почти втрое преобладают над мужчинами (15 162 против 40 674). Столь значительной половой диспропорции в активном брачном возрасте нет ни у одного другого финно-угорского народа России, за исключением хантов и манси. Следствием этого может стать лишь активный поиск брачных партнеров среди других этнических групп населения республики, что будет характерно прежде всего для женщин. Это только усилит процессы ассимиляции среди коми. При этом на демографические факторы будут накладываться социокультурные факторы и, прежде всего, характер этнокультурных ориентаций молодежи.

Смене этнического самосознания предшествуют, как правило, процессы аккультурации и языковой ассимиляции. Эти процессы приобрели весьма значительные масштабы практически среди всех финно-угорских народов. Результаты микропереписи населения 1994 г., к примеру, показали, что произошли коренные изменения в языковой практике представителей этих народов. Так, среди коми русским языком на работе пользуются 716 из каждой 1000 представителей титульного этноса, проживающих на территории РК, в учебном заведении таковых 735, но самое главное, что в семье пользуются русским языком 568 из каждой 1000 коми. Среди городских коми эти показатели еще более впечатляющи и свидетельствуют о практически полном переходе на русский язык молодого поколения, многие представители которого просто не владеют языком родителей. Русским языком,

согласно данным микропереписи, пользуются в семье 957 вепсов из каждой 1000, 825 карел из каждой 1000 проживающих в Карелии, и соответственно 966 манси и 864 ханта, 382 мордвина, 363 марийца, 350 удмуртов и 381 коми-пермяк из каждой 1000, проживающих на территории своих национальных республик или округов⁴.

Таким образом, для представителей финно-угорских народов русский язык становится сегодня основным языком во всех сферах общения.

Перепись населения 2002 г. только подтвердила тот факт, что языковая ассимиляция продолжается и становится все более масштабной. Так, данные переписи показали, что 27,5 % коми, проживающих в РК, называют своим родным языком русский язык, коми – 62,5 %. Языковая ассимиляция стала заметным явлением в этнокультурных процессах со второй половины 1950-х гг., когда коми превратились в национальное меньшинство на территории республики и этнодемографическая ситуация коренным образом изменилась не в пользу титульного населения. При этом темпы ассимиляции нарастают: в 1959 г. 93,8 % коми республики еще называли родным языком коми язык, в 1970 г. доля таковых составляла 86,7 %, в 1979 г. – 80,0 %, в 1989 г. – 74,3 %.

Критики национальной политики РФ, которые излагали свои взгляды на Всемирном финно-угорском конгрессе в Таллине, усматривают тесную связь между языковой ассимиляцией и сокращением численности финно-угорских народов. Конечно, такая связь очевидна и языковая практика оказывает воздействие на этническое самосознание, но нельзя все сводить к данной проблеме, ибо у разных народов ситуация в этой сфере различна. Более того, сами результаты переписи-2002 показывают, что жесткой зависимости между языковой ассимиля-

цией и демографическими процессами не существует.

Дело в том, что среди финно-угорских и самодийских народов очень высокий прирост численности наблюдался за межпереписной период у хантов, манси, саамов и европейских ненцев. При этом европейские ненцы еще в конце XIX в. в большинстве своем владели русским языком, а ныне он полностью доминирует во всех сферах общения, а родным языком владеют немногие¹⁰, саамы ныне также в большинстве своем утратили родной язык и считают таковым русский¹¹, языковая ассимиляция у хантов и манси идет не менее интенсивно, чем у других финно-угорских народов России. На наш взгляд, разница в характере этнокультурного и этнодемографического развития финно-угорских народов России объясняется целым комплексом факторов, но существенное значение в последние годы приобретает фактор символической ценности этничности и реальной практической пользы для каждого конкретного представителя данного этноса от его отождествления с народом, к которому принадлежали его предки. О том, что этническая идентификация в современном мире приобретает характер гибкого позиционирования личности в меняющихся социальных условиях свидетельствует не только отечественный опыт, но и зарубежный. В частности после того, как в 1971 г. конгресс США принял Акт по разрешению земельных требований коренных жителей Аляски (ANCSA), многие из тех, кто прежде не хотел признавать себя туземцами Аляски, пожелали заявить о своей туземной идентичности¹².

Важным этнодемографическим процессом в XX столетии был неуклонный рост численности горожан среди финно-угров и увеличение их доли в общей социальной структуре этносов. К примеру, в 1970 г. городские коми ставили 33,1 % всех коми

республики, в 1979 г. – 41,7 %, в 1989 г. – 46,8 %. Казалось, что превращение коми в городской этнос есть устойчивая тенденция, но усиливающиеся процессы ассимиляции среди коми горожан неизбежно должны были прервать рост доли горожан среди коми, ибо ассимиляция стала опережать механический рост числа городских коми за счет мигрантов из села.

Перепись 2002 г. уже зафиксировала снижение доли городских коми до 46,2 %. Безусловно, это еще не очень заметное снижение, но показательно, что оно сопровождалось и весьма существенным снижением абсолютной численности коми горожан: со 136 412 в 1989 г. до 118 541 в 2002 г. Иными словами, численность городских коми в РК сократилась за межпереписной период на 13 %, хотя из-за общего сокращения численности горожан доля коми в составе городского населения возросла с 14,4 % до 15,5 %. В отличие от остального городского населения республики, коми горожане не очень активно мигрируют за пределы Коми Республики. Следовательно, основная часть потерь городского коми населения приходится на потери от ассимиляции. Если же рассмотреть коми население РФ в целом, то и здесь наблюдается вполне ощутимое сокращение как абсолютной численности коми горожан, так и сокращение их доли в общей численности этноса: с 48,7 % в 1989 г. до 47,5 % – в 2002 г. Аналогичная картина наблюдается и в демографическом развитии других крупнейших финно-угорских народов России. Переписи 1970, 1979, 1989 гг. фиксировали неуклонное увеличение абсолютной численности горожан в составе этих народов, увеличение их доли в социальной структуре данных этносов и одновременно сокращение и абсолютной численности, и доли сельского населения в их составе¹³.

Процесс деурбанизации стал характерным явлением для большинства финно-

угорских народов России: перепись 2002 г. показала, что абсолютная численность горожан очень значительно выросла только у саамов (на 61,8 %), у манси (на 56,6 %) и хантов (на 49,5 %), а у остальных финно-угорских народов она сократилась и в ряде случаев очень значительно. Помимо этого, произошло сокращение доли горожан в общем составе большинства крупных финно-угорских народов. У мордвы доля горожан в социальной структуре этноса понизилась от 52,2 % в 1989 г. до 49,2 % в 2002 г.: у удмуртов соответственно с 48,1 % до 46,6 %; у карел – с 61,2 % до 55,9 %; у коми-пермяков – с 39,8 % до 38,8 %. Только у марийцев доля горожан за указанный период выросла с 40,7 % до 42,3 %. Это в значительной мере можно объяснить тем, что в предшествующие десятилетия нарастание доли горожан у марийцев шло более быстрыми темпами, чем у других народов: в 1979 г. по сравнению с предыдущей переписью численность марийцев-горожан возросла на 60,9 %, в 1989 г. по сравнению с 1979 г. она выросла еще на 45,4 %. Тем самым демографический потенциал городских марийцев был достаточен для того, чтобы сдерживать ассимиляционные процессы, ибо значительная их часть являлась горожанами в первом поколении, т. е. этничность поддерживалась их социальным происхождением.

Как показывают результаты исследований, у более урбанизированных этносов в составе городских общин доля сельских мигрантов меньше, а значит и выше потери от ассимиляции, ибо уже второе поколение горожан в значительной мере является деэтнизированным. В Коми, Удмуртии, Карелии, Марий Эл, Мордовии городская часть титульного этноса ныне в значительной мере формируется за счет самовоспроизводства, поскольку миграция из села в город хоть и сохраняется, но масштабы ее незначительные и существенно

влиять на демографические процессы она не может. По этой причине темпы ассимиляции городских частей указанных этносов возрастают, ибо демографический потенциал городских финно-угров существенно уступает демографическому потенциалу доминантного большинства городского населения, а культурные ориентации молодого поколения все отчетливее смещаются именно в сторону доминирующей культуры.

Сельская же часть титульного населения республик с финно-угорским населением оставалась стабильной на протяжении нескольких последних десятилетий. В 1970 г., к примеру, сельские коми составляли 50,3 % от всех коми республики, в 1979 г. – 50,5 %, в 1989 г. – 50,6 %. Но, согласно данным переписи 2002 г., доля коми в общем составе сельского населения возросла весьма заметно и составила 54,7 %. Таким образом, в составе сельского населения коми начинают все более ощутимо доминировать, и условия для демографического воспроизводства сельских коми становятся более благоприятными. Но эти условия не сводятся только к соотношению этнических групп и внутригрупповым демографическим пропорциям, они в значительной мере определяются общей социально-экономической ситуацией на селе. А эта ситуация уже свыше десяти лет крайне неблагоприятная. Более того, есть все основания говорить о глубоко аграрном кризисе, который переживает российское село в целом и сельские регионы в республиках с финно-угорским населением в частности. Этот кризис связан с тем, что не созданы условия для коренной, структурной перестройки аграрной сферы, не стимулируются эффективные собственники.

Демографическая ситуация диктует настоятельную необходимость разработки и принятия комплексной программы развития села, которая должна быть стержнем

региональной национальной политики в отношении титульных этносов в регионах проживания финно-угров.

Таблица 1

Численность городского и сельского населения в составе крупнейших финно-угорских народов РФ по результатам переписей

	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Мордва				
город:	393326	469918	560054	483098
село:	784166	641157	512885	494283
Марийцы				
город:	111925	180123	261921	256094
село:	469157	419514	381777	348204
Коми				
город:	112513	140205	163823	139416
село:	202834	179873	172486	153990
Удмурты				
город:	212721	280872	344158	296976
село:	465672	404846	370675	339930
Карелы				
город:	61720	72078	76505	52205
село:	79428	61104	48416	41139
Коми-пермяки				
город:	33424	46053	58656	48658
село:	116820	99940	88613	76577

Особая актуальность разработки и скорейшей реализации эффективной программы развития аграрной подсистемы республиканского хозяйственного комплекса диктуется не только тем, что в условиях наметившегося процесса деурбанизации финно-угорских этносов их сельская часть превращается в важнейший ресурс поддержания и сохранения этничности, своего рода «страховой фонд этноса», но и потому, что сельское население в настоящее время находится в состоянии социальной дезорганизации и социальной дезориентации. Об этом свидетельствует крах прежних производственных систем, снижение уровня жизни и собственно демографические показатели. Так, уровень смертности на селе в Республике Коми превышает средне-республиканские показатели в 1,1–1,3 раза. То же самое имеет место и в большинстве других регионов, где проживают финно-угры.

В таких условиях очевидно, что необходима социальная реабилитация сельского населения, ибо без нее село не может стать тем «страховым фондом» этноса, которым оно объективно должно быть в новых социальных реалиях. Реабилитация же возможна лишь при условии обеспечения сельских жителей необходимым комплексом социальных услуг, включая медицинские, образовательные, культурные, которые ныне либо крайне низкого качества, либо вовсе отсутствуют. Но важнейшим условием реабилитации станет формирование эффективных производственных структур, конкурентоспособных и рыночноориентированных. Именно они позволят повысить доходы населения, увеличат поступления в местные бюджеты и дадут возможность развиваться соответствующим социальным службам.

Следующим значимым и масштабным явлением, выявленным переписью населения 2002 г., является этническая фрагментация финно-угорских этносов, возрождение старых этнонимов и стремление, по выражению Бенедикта Андерсона, к «переопределению» категорий идентичности¹⁴. Этот процесс затронул все крупные финно-угорские этносы России: удмуртов, мордву, марийцев и коми.

В разных регионах России у этого процесса есть свои особенности, и начинался он в разное время, но именно перепись 2002 стала реальным свидетельством того, что процесс этот не только идет, но и продолжает углубляться. Начало ему положило стремление бесермян выделиться в самостоятельную этническую общность. После переписи населения 1926 г. их учитывали вместе с удмуртами, хотя названная перепись и зафиксировала довольно значительную численность группы – более 10 тыс. чел. То же самое имело место и в отношении язывских коми-пермяков. Их тоже учитывали как отдельную этническую

общность только в переписи 1926 г. И численность данной группы была примерно равной бесермянам. В 1990-е гг. стали предприниматься попытки возрождения культурной специфики и локального самосознания и бесермян, и язывских коми-пермяков. На территории проживания бесермян было создано «Общество бесермянского народа», которое поставило своей целью возрождение бесермян как отдельного этноса, в Глазове был организован национально-исторический центр бесермян, в 1992 г. было принято постановление Президиума Верховного Совета Удмуртской Республики «О восстановлении исторического имени бесермянского народа», которое предоставляло бесермянам, проживающим на территории республики, статус отдельной народности¹⁵.

В 2000 г. бесермяне были включены в Перечень коренных малочисленных народов, утвержденный Правительством РФ. В результате перепись 2002 г. зафиксировала 3122 бесермянина. У язывских коми-пермяков, которые в прошлом, как и бесермяне, заметно отличались от окрестного населения, национальных организаций не возникло, но меры по возрождению их культурного своеобразия были предприняты. Однако эти меры не дали заметного результата и в результате только два-три десятка человек в ходе переписи назвали себя язывцами, что, впрочем, не стало препятствием для того, чтобы власти Пермской области официально обратились в Правительство РФ с ходатайством предоставить статус коренного малочисленного народа язывским коми-пермякам, хотя сам статус не может существенно изменить вектор этнокультурного развития этнической группы.

Между тем, ситуация с бесермянами и язывцами есть лишь побочное явление в общем процессе этнической фрагментации финно-угров. Самое значительное про-

явление этого процесса – это все более углубляющееся деление мордвы на эрзя и мокшу. Причем национал-радикалы в мордовском национальном движении настаивают, что «мордва – это миф»¹⁶, что существуют два самостоятельных этноса – эрзя и мокша. На этой основе мордовское движение с середины 1990-х гг. фактически раскололось на мокшанское и эрзянское. Уже микроперепись населения 1994 г. показала, что этот раскол начинает сказываться и на этническом самосознании мордвы, поскольку значительная часть тех, кого интервьюировали переписчики, использовали для определения своей этнической принадлежности субэтнические этнонимы «эрзя» и «мокша». Специалисты, правда, отметили, что работа переписчиков при фиксации этнической принадлежности респондентов строилась методически неверно. Но, тем не менее, перепись 2002 г. показала, что на территории Мордовии только чуть более половины мордвы (55 %) использовали общезтнический этноним, а остальные вновь воспользовались субэтническими определителями.

Менее масштабно субэтническая фрагментация проявилась в Марий Эл, но и здесь десятки тысяч назвали себя не марийцами вообще, а горными марийцами или луговыми.

В Коми, где прежде специалисты выделяли семь основных этнографических групп, процессы этнической консолидации на протяжении XX столетия протекал очень интенсивно и к последней его четверти практически завершился, что нашло свое отражение в укреплении общезтнического и утрате прежнего локального самосознания.

Кризис в аграрной сфере, который продолжается в республике с начала 1990-х гг., был дополнен резким падением объемов производства в лесопромышленном комплексе республики, в котором занята большая часть сельского трудоспособного насе-

ления. В результате произошло существенное снижение уровня жизни сельского населения и ныне средние доходы селян примерно вдвое ниже доходов городских жителей. Уровень безработицы на селе также существенно выше средних показателей по республике, а с учетом скрытой безработицы его можно рассматривать как критический. Практическая деятельность коми национального движения, однако, не была ориентирована на решение местных проблем, разработку конкретных инициатив, поддержку практических проектов в экономической и социальной сфере, которые бы способствовали реальным переменам на селе.

В результате, переживающие глубокий кризис сельские районы и их население, все более осознающие себя как социальную периферию, как зону слабо Интегрированную в общереспубликанский хозяйственный комплекс, в республиканское территориальное сообщество, а также в общее культурное пространство коми этноса, стали искать собственные пути социального и экономического оздоровления. Осознание себя локальными сообществами, превалирование местных интересов и конкретных практических нужд над общезтническими лозунгами и декларациями привело к усилению локальных идеологий и рекультикации старых локальных этнонимов, усилению их значения. Возникшие в начале 1990-х гг. региональные национальные организации коми народа, которые использовали в своих названиях наименования прежних этнографических групп коми, поначалу действовали как подразделения общекومی движения и не позиционировали себя как организации, преследующие собственные цели и имеющие собственное видение путей решения местных проблем. Не было у них и каких-либо специфических идейных позиций.

Кризис общекومی движения, который все более ощутимо стал проявляться со второй половины 1990-х гг., привел к тому, что некоторые региональные организации активно стали заниматься поисками собственных идеологических ориентиров и постепенно дистанцировались от движения в целом.

Глубокий аграрный кризис и поиски на местах путей выхода из него, вместе с кризисом коми национального движения привели к рождению идеи возродить этнографические группы коми этноса или, скорее, возродить этнонимы и сделать их политической и юридической реальностью, для чего, по мысли активистов национального движения на местах, следовало не только актуализировать локальное этническое самосознание коми, но и добиваться признания за этнографическими группами статуса коренных малочисленных народов.

Наиболее последовательны и активны в этом отношении оказались активисты ассоциации «Изьватас», которая объединяет в своих рядах северных коми – коми-ижемцев, имеющих особенно заметные диалектные отличия от других групп коми этноса, отличающихся в хозяйственном и культурном плане и довольно изолированных территориально. Не случайно активисты «Изьватас» призвали северных коми во время переписи указывать в переписных листах не этноним «коми», а этноним «коми-ижемец» или «изьватас».

Призыв ижемских активистов имел серьезный успех, ибо в ходе переписи более 16 тыс. коми назвали себя коми-ижемцами. Причем этот этноним оказался востребован не только сельским коми населением, сохраняющим диалектные и культурные особенности группы, но и горожа-

нами, среди которых полторы тысячи использовали этноним «ижемец».

В июне 2003 г. состоялся 5-й съезд ассоциации «Изьватас», во время которого была подтверждена текущая цель организации – добиваться от властей РФ включения ижемцев в перечень коренных малочисленных народов.

Следует особо отметить, что те процессы, которые характерны для финно-угров, в равной мере свойственны и другим этническим группам населения в местах их традиционного проживания. Более того, проблемы низкой рождаемости, постепенного старения населения, ухудшения основных демографических показателей являются актуальными сегодня не только для российских финно-угорских народов, но и для их западных родственников, проживающих в Финляндии, Эстонии и Венгрии. В любом случае очевидно, что демографические изменения, которые характерны для финно-угорских народов, есть результат сложных процессов культурного взаимодействия, которое имеет место на территории проживания данных народов. Не меньшую роль играют глубокие социальные и экономические изменения как на общероссийской арене, так и на геополитическом пространстве. Поэтому социальные прогнозы, касающиеся будущего российских финно-угров, возможны не на основе анализа собственно демографических изменений, а при комплексном междисциплинарном изучении хода социальных изменений среди указанных народов, изучении влияния многообразных внешних и внутренних факторов на их развитие.

ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА

Население регионов, в которых традиционно проживают финно-угры, в разной степени интегрировано в целостные территориальные сообщества, но тот факт, что финно-угры очень рано в большинстве своем вошли в состав Московского государства (начался этот процесс еще в домонгольскую эпоху) и вхождение это не было сопряжено с длительным и масштабным сопротивлением русской колонизации, а в целом ряде случаев колонизация финно-угорских земель вообще носила мирный характер, обусловил тесную культурную близость русских и представителей большинства финно-угорских народов.

По существу и русские, и финно-угорские народы РФ принадлежат к одному типу культуры – восточно-православному. Они имеют сходные традиции и обычаи, системы ценностей и представлений, сходный образ жизни и менталитет, между русскими и финно-уграми нет культурных барьеров. В несколько особом положении были лишь ханты и манси, ибо межкультурная дистанция между ними и доминантным большинством, в силу специфики их этнокультурного развития, сохранялась до второй половины XX в. Причем эта дистанция была одинаковой как с русскими, так и с коми переселенцами в Сибирь, которые в силу религиозных различий называли хантов «нечистыми».

Отсутствие межкультурной дистанции при взаимодействии финно-угров с русскими и с представителями восточнославянских народов, во-первых, способствует тому, что в регионах проживания финно-угров имеет место стабильная социальная ситуация и очень интенсивные межэтнические контакты. Во-вторых, это создает благоприятный фон для интенсификации

ассимиляционных процессов, поскольку демографические пропорции среди населения финно-угорских регионов, как уже отмечалось выше, складываются не в пользу финно-угорских народов.

Другим мощным стимулом ассимиляционных процессов является тот факт, что русские воспринимались и до сих пор воспринимаются представителями финно-угорских народов, как референтная группа, на которую они ориентированы. Такому восприятию способствовало то обстоятельство, что в образовательном плане русские длительное время лидировали и, хотя образовательные пропорции на протяжении XX столетия постепенно выравнивались, разница в образовательном уровне доминантной группы и титульным населением сохраняется. Особенно важно, что эта разница довольно заметна среди наиболее образованных страт населения финно-угорских республик и автономий (см. таб. 2).

В последние годы ситуация на образовательном рынке для финно-угров существенно усложнилась, что связано с тем, что число бесплатных учебных мест в высших учебных заведениях сокращается, для поступления в престижные учебные заведения требуется дополнительная подготовка, а качество среднего образования остается недостаточно высоким. Особенно серьезной проблемой является невысокое качество преподавания в сельских школах. Финно-угорские же народы все еще остаются преимущественно сельскими этносами и в условиях нарастающего процесса деурбанизации именно село должно и может в большинстве случаев обеспечивать этнокультурное воспроизводство и именно здесь должны решаться многие ключевые проблемы культурного развития данных народов.

Сегодня выпускники сельских школ не могут на равных конкурировать с выпускниками городских и, прежде всего, в борьбе за оплачиваемые государством места в высших учебных заведениях, которые были для них особенно значимы, ибо глубокий аграрный кризис, который поразил большинство аграрных территорий, привел к существенному снижению доходов, прежде всего, сельских жителей, и они не могут оплачивать обучение своих детей в вузах на коммерческой основе.

Таблица 2

Доля представителей отдельных национальностей в субъектах РФ в общей образовательной структуре этнических групп (профессиональное образование), по данным переписи населения 2002 г., (в %, в возрасте 15 лет и старше)

Регион/этническая группа	Послеузовское образование	Высшее и незаконченное высшее	Среднее
Карелия			
Карелы	0,11 %	12,0 %	25,6 %
Русские	0,23 %	16,7 %	28,8 %
Вепсы	0,18 %	14,6 %	25,8 %
Коми			
Коми	0,15 %	11,6 %	28,8 %
Русские	0,18 %	15,8 %	32,4 %
Марий Эл			
Марийцы	0,08 %	10,9 %	23,7 %
Русские	0,23 %	20,7 %	27,5 %
Мордовия			
Мордва	0,17 %	14,7 %	22,2 %
Русские	0,22 %	18,3 %	25,1 %
Удмуртия			
Удмурты	0,09 %	10,3 %	22,8 %
Русские	0,20 %	18,3 %	26,2 %
Коми-Пермяцкий округ			
Коми-пермяки	0,04 %	6,3 %	25,3 %
Русские	0,04 %	7,8 %	26,0 %
Ханты-Мансийский округ			
Ханты	0,14 %	8,3 %	21,2 %
Манси	0,22 %	9,2 %	24,3 %
Русские	0,22 %	20,9 %	33,8 %

Система квотирования мест в вузах для выпускников сельских школ (и, прежде всего, из числа финно-угров) не исправит ситуации, ибо только законсервирует нынешнее положение дел в сфере сельского образования и даст некие преимущества наиболее слабо подготовленным. Кроме того, такая система, во-первых, поставит льготников основной массе студентов, а, во-вторых, преференции на этапе получения профессионального образования приведут к тому, что на рынок труда выйдут менее подготовленные специалисты с меньшим уровнем знаний и более узким кругозором. В результате они будут проигрывать более подготовленным и привыкшим к конкуренции иноэтническим соперникам именно в наиболее престижных и высокооплачиваемых секторах экономики и социального сервиса. А значит, на рынке они будут вынуждены заполнять те сферы, которые менее престижны, менее оплачиваемы и которые нередко воспринимаются в массовом сознании как социальная периферия. Осознавая себя социальными аутсайдерами, они, так или иначе, эту же оценку будут переносить и на свою этническую группу.

Проблема преподавания национальных языков в сельских школах стоит не столь остро, как в городе, ибо и сама языковая среда создает условия для усвоения родного языка, и кадры учителей родного языка и литературы, как правило, на селе укомплектованы. Так, в Республике Коми в сельских школах единственные учителя-предметники, в которых нет дефицита, – это учителя коми языка и литературы. Но преподавателей химии, физики, математики и информатики остро не хватает, и это крайне обостряет проблему получения качественного образования сельскими школьниками, усиливает их отставание от городских сверстников, которые к тому же в массе своей принадлежат, как уже подчер-

квивалось, к иноэтничному большинству.

Сегодня наблюдается заметное снижение доли студентов из числа представителей титульных этносов в вузах Удмуртии, Коми, Марий Эл, Мордовии. Несомненно, однако, что язык обучения в школах все же остается важной образовательной и культурной проблемой во всех регионах проживания финно-угров.

Первоначально, когда только создавалась национальная школа в национально-государственных образованиях финно-угров, т. е. в 1920–1930-е гг. в районах компактного проживания представителей финно-угорских этносов (единственным исключением была Карелия, где первоначально обучение шло на финском языке) все обучение в начальной школе было переведено на национальные языки¹⁷. На более высоких этапах школьного обучения преподавание предметов шло уже на русском языке, ибо научно-техническая, общественно-политическая и другая специализированная лексика не была достаточно разработанной в языках российских финно-угров и, кроме того, сам процесс нормирования этих языков еще только начинался.

Коренное изменение ситуации в образовательной сфере произошло в 1958 г., когда в бывшем Советском Союзе была осуществлена реформа школы. Отношение к этой реформе неоднозначное, ибо она предоставила родителям школьников самим решать, какой язык обучения для своих детей выбрать. Впервые в Советском Союзе людям дали реальное право выбора и, вероятно, власти не представляли себе какой эффект будет иметь их решение. Родители в массовом порядке стали требовать перевода школ на русский язык обучения. Это не было случайным или спровоцированным желанием. К тому времени серьезно изменились этнодемографические пропорции на территории прожива-

ния финно-угров, существенно изменилась социальная структура этносов и резко возросла ценность и престиж образования. Многие родители желали, чтобы их дети получили высшее образование, а поскольку высшая школа была полностью русскоязычной в Российской Федерации, постольку, по мнению родителей, хорошее знание русского языка для детей было необходимо, и они могли получить его лишь в русской школе. В результате к середине 1970-х гг. национальная школа в финно-угорских регионах практически умерла, а национальные языки и литературу стали преподавать как предмет и в довольно ограниченном числе школ. Одновременно резко сократилось число названий и тиражи книг на национальных языках, значительно упали тиражи газет и журналов, практически не стало передач на финно-угорских языках на радио и телевидении и т. д.

Важное значение имело то обстоятельство, что к началу 1960-х гг. в стране сложился глобальный информационный рынок, включавший кино, радио, телевидение, прессу. Этот рынок был полностью монополизирован русским языком (что совершенно естественно, ибо глобальный рынок требует унификации), и национальные издания просто не могли конкурировать ни по тиражам, ни по качеству материалов с массовыми общенациональными и региональными изданиями, в которых были сосредоточены лучшие специалисты и у которых был имидж солидных информационных агентств.

Тем не менее с конца 1980-х гг., когда в России начались глубокие структурные изменения, связанные с реформированием политической системы, процессами демократизации и экономической модернизации, ситуация в сфере культуры и образования стала меняться. Начались т. н. процессы «национального возрождения», которые были обусловлены общей демокра-

тизацией жизни и резко возросшей активностью национальных сил, приступивших к созданию национальных движений. Произошли изменения как в федеральной, так и в региональной этнонациональной политике, и проблемы этничности оказались в центре общественного внимания. Орга-

нами власти в центре и на местах был принят целый комплекс мер, который позволил осуществить заметные изменения в системе образования и поддержки национальных культур финно-угорских народов (см. табл. 3,4,5).

Таблица 3

Численность учащихся государственных и муниципальных дневных общеобразовательных учреждений, изучающих родной язык как предмет

	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Карелия							
Карельский	444	1630	1493	1748	1816	1510	1677
Финский	5518	6978	8535	7824	8101	6758	6356
Вепский	74	171	278	273	351	254	276
Коми							
Коми	19612	30267	40448	42717	44198	40176	40514
Марий Эл							
Марийский горный	3115	2880	4267	4331	4344	3558	3162
Марийский луговой	18944	38044	59154	47601	42723	40170	34686
Мордовия							
Мордовский эрзя	5802	7815	7640	8066	6543	6008	6480
Мордовский мокша	10774	9725	7495	7398	6860	6860	7590
Удмуртия							
Удмуртский	12062	33331	...	31128	28158	26438	23753
Коми-Пемзяцкий АО							
Коми-Пермяцкий	6204	6818	5940	5625	5914	4673	4275
Ханты-Мансийский АО							
Мансийский	287	...	...	1483	1552	1884	...
Хантыйский	1089	...	...	2830	3042	3098	...

Следует отметить, что процессы «этнического возрождения» привели на начальном этапе не только к повышению активности национальных сил, к росту интереса со стороны значительной части финно-угорских народов к изучению своего языка, истории, культуры. Это потребовало принятия соответствующих нормативных документов, которые в свою очередь изменили статус финно-угорских языков в целом ряде национально-государственных образований этих народов, способствовали решению многих проблем, связанных с расширением преподавания языка, литературы и истории, укрепили позиции финно-угорских языков в СМИ и т. д. Этот комплекс мер не только изменил ситуацию в системе образования, куль-

туры, но и способствовал определенным сдвигам в массовых настроениях финно-угров. В первой половине 1990-х гг. усилилось стремление молодежи отождествлять себя не с доминантным большинством, а с собственными этносами. Но сугубо прагматичные соображения, ошибки национальных движений и сами социальные реалии привели затем к очередному снижению интереса к языкам и культурам финно-угров, к возросшему стремлению молодежи к смене этнической идентификации. Ныне эта тенденция доминирует, как показывают наши исследования. При этом надо иметь в виду, что законы о государственных языках, принятые в Коми, Мордовии предполагают введение обязательного обучения языкам ти-

тульных этносов всех учащихся средних школ.

Однако, есть сомнения в целесообразности такого рода культурных мероприятий, которые связаны с тем, что качественный уровень такого рода уроков будет невысоким, а само восприятие предмета будет крайне поверхностным, поскольку в условиях полного доминирования русского языка во всех сферах общения (за ис-

ключением сельских моноэтнических поселений) объективной потребности в его изучении у учащихся нет. Не случайно это решение вызывает острые дискуссии среди специалистов и протесты среди родителей учеников, которые настаивают на том, что при внедрении финно-угорских языков в качестве обязательных предметов в средних школах необходимо сохранить право свободного выбора для учащихся.

Таблица 4

Выпуск книг и брошюр на финно-угорских языках народов России

Языки	Число книг и брошюр, печатных единиц					Тираж, тыс. экземпляров				
	1990 г.	1995 г.	1999 г.	2002 г.	2003 г.	1990 г.	1995 г.	1999 г.	2002 г.	2003 г.
Карельский	3	2	1	5	6	11	8	3	11	6
Коми	29	24	16	26	13	106	50	57	75	23
Коми-пермяцкий	9	...	3	1	4	21	...	15	0,5	6
Марийский (луговой и горный)	72	45	8	15	16	301	170	46	38	33
Мордовский (эрзян- ский и мокшанский)	35	33	6	10	10	135	87	6	29	19
Мансийский	2	2	—	4	3	1	1,1	—	1,3	1
Хантыйский	3	3	5	6	7	4	2	1,3	2	5
Удмуртский	28	36	13	15	15	149	162	30	30	53

Более того, преподавание финно-угорских языков в качестве обязательных к изучению предметов в средних школах потребует значительных средств для подготовки дополнительного контингента учителей, разработки и издания учебников и методических материалов, а эти средства придется изыскивать в рамках имеющихся бюджетов регионов, т. е. урезая расходы на другие образовательные нужды.

Опросы населения финно-угорских регионов показывают, что за обязательное обучение языков титульных этносов всеми учащимися средних школ выступает довольно ограниченная часть населения и даже среди собственно финно-угров она не составляет большинства. Последнее, однако, не означает, что нет необходимости в создании условий для обучения родному языку всех желающих. Такое право подтверждено российским законодательством и условия для его реализации должны

быть созданы. В том числе, видимо, надо создавать и школы (а на данном этапе, возможно, только классы), где бы все предметы преподавались на финно-угорских языках.

Между тем проблема формирования так называемых «этнических школ» требует серьезного анализа. Потребность в них существует, хотя, конечно, довольно ограниченная часть родителей и самих молодых людей желала бы, чтобы их дети получали образование на миноритарных языках в ущерб их будущей образовательной карьере¹⁸. Для практической реализации идеи этнических школ нужно точно знать, какова потребность в них у разных групп населения, нужно создавать соответствующую учебно-методическую базу, завершить нормирование самих финно-угорских языков. Естественно, на эти нужды потребуются дополнительные финансовые ресурсы, поэтому необходимо осуществить

«ревизию» той деятельности, которая имела место в прежние годы в сфере языкового строительства и сконцентрировать средства на решении наиболее актуальных задач.

О том, что такая «ревизия» необходима, свидетельствует недавняя дискуссия между коми филологами, которая приобрела широкое общественное звучание. Видный коми драматург и ученый О. Уляшов в статье «Лексика, оторванная от корней»⁹, опубликованной в коми-язычном журнале «Войвыв кодзув», дал крайне негативные оценки процессам современного языкового строительства в Республике Коми и оце-

нил современный государственный язык как «китайскую грамоту». Действительно, проблемы нормирования коми языка, внедрения новых слов трактуются нередко весьма упрощенно, и рядовые потребители языка, т. е. школьники и читатели массовых изданий отказываются принимать и понимать этот новояз. Эта публикация вызвала широкую дискуссию среди специалистов, которая, в свою очередь, продемонстрировала, что единого понимания путей развития коми языка как государственного и как учебного предмета в профессиональной среде сегодня нет.

Таблица 5

Выпуск газет на финно-угорских языках народов России

	1990 г.	1995 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.
Число изданий								
Карельский	—	1	3	3	3	2	1	2
Коми	4	4	5	5	1	4	5	5
Марийский (луговой)	14	17	14	12	10	9		
							} 14	} 18
Марийский (горный)	2	1	1	1	1	1		
Мордовский (мокша)	1	1	1	1	1	—	3	3
Мордовский (эрзя)	1	2	2	1	1	2	—	—
Мансийский	1	1	1	1	1	1	2	1
Хантыйский	1	1	1	1	1	—	1	2
Удмуртский	18	9	7	5	7	7	9	9
Годовой тираж, тыс. экз.								
Карельский	—	52	64	249	275	127	176	41
Коми	2870	1771	1803	2973	315	1723	1322	683
Марийский (луговой)	8740	5158	3646	3627	3318	3023		
							} 2642	} 3422
Марийский (горный)	1206	395	291	255	255	251		
Мордовский (мокша)	1014	627	440	372	462	—	330	396
Мордовский (эрзя)	1092	298	304	156	224	348	—	—
Мансийский	2	12	19	26	30	55	251	38
Хантыйский	36	—	31	47	38	—	45	74
Удмуртский	9720	4410	2792	2885	3091	2559	2175	2204

В сфере образования самой актуальной задачей на сегодня является существенное повышение качества обучения в сельских образовательных учреждениях, оснащение сельских школ необходимым количеством литературы и учебников, компьютерами и другими современными средствами обучения, привлечение в сельские школы хорошо подготовленных учителей-предметников. Это позволит преодолеть разрыв в

качестве образования между выпускниками городских и сельских школ, что, в свою очередь, усилит позиции финно-угорских этносов в культурной конкуренции. Сегодня, к примеру, в Мордовии в ряде вузов создаются специальные «национальные группы», состав которых формируется почти полностью из выходцев из мордовских школ, при обучении которых преподаватели вынуждены учитывать их языковую

квалификацию и общий уровень знаний, т. е. эти группы сразу же «маркируются» как менее подготовленные к усвоению знаний, которые дает высшая школа. Названная ситуация создает для данных студентов целый ряд проблем.

Серьезной проблемой является сужение информационного пространства этнических культур финно-угров. Это выражается в сокращении числа и тиражей изданий на национальных языках, падении тиражей газет, сокращении времени вещания на радио и телевидении, оскудением фондов публичных библиотек и особенно детских и сельских библиотек. К примеру, в Коми издания на национальном языке составляют только 2 % книжного фонда библиотек республики. В последние годы практически не финансировалось приобретение новых книг для районных детских и сельских библиотек.

Языковая политика и языковое строительство есть комплексная и сложная проблема, и связана она и с общей культурной политикой и с целым рядом объективных обстоятельств.

Практически вся литература на национальных языках издается как социально значимая, т. е. при непосредственной финансовой поддержке государства. Однако эта литература сегодня очень слабо востребована. Причин здесь несколько. Во-первых, уровень владения устной речью на родном языке у российских финно-угров существенно выше, чем уровень владения чтением и письмом. Во-вторых, в России наблюдается общая тенденция к сокращению потребления книжной продукции. В-третьих, основной потребитель книг на национальных языках – это сельские жители, а их уровень доходов крайне низок и не позволяет приобретать книги.

Газеты, издающиеся на языках финно-угорских народов России, также издаются за счет поддержки государства, и сокраще-

ние их тиражей имеет во многом те же причины, что и сокращение тиражей книг. Кроме того, по причине их слабой востребованности эти издания не пользуются спросом у рекламодателей, а потому их финансовое положение весьма стесненное. Следовательно, в таких изданиях журналисты не могут получать больших гонораров, а значит более квалифицированные кадры уходят в издания с прочным финансовым положением, которые ориентированы на русскоязычную аудиторию.

Иная ситуация на телевидении. Информационная политика государственных каналов, на которых ведется вещание, и региональных телепрограмм, определяется из Москвы, а она в последнее время очень слабо учитывает специфические интересы регионов, что заставляет сокращать время вещания на национальных языках. Радиоканалы сегодня в значительной мере коммерциализированы и не заинтересованы в национальном вещании вообще. У государственных радиостанций не хватает хорошо подготовленных кадров журналистов, способных вести вещание на финно-угорских языках.

Тем не менее в информационной сфере в последние годы созданы весьма интересные проекты, которые получили признание как у специалистов, так и у широкой аудитории. Одним из таких проектов является межрегиональный тележурнал «Финно-угорский мир», который рассказывает о жизни различных финно-угорских регионов и их проблемах, знакомит зрителей с традициями и культурой финно-угорских народов. Выпуски этого журнала готовят национальные редакции, а показывают его во всех регионах проживания финно-угров. Правда, в основном эти выпуски выходят на русском языке.

Что касается сценического искусства, музыки, живописи, традиционных праздников и фольклора, то они и прежде, и

ныне пользуются государственной поддержкой, хотя уровень ее, конечно, недостаточен. Наличие большого количества национальных сценических коллективов позволяет регулярно проводить фестивали финно-угорских театров и художественные конкурсы, международные фольклорные финно-угорские фестивали и целый ряд других художественных мероприятий. В результате многие сценические коллективы из финно-угорских регионов РФ получили международное признание. В числе таковых можно назвать национальный театр им. Виктора Савина и Театр фольклора из Коми, театр им. Шкетана из Марий Эл, ансамбль песни и танца «Асья кыя», ансамбль «Кантеле», мордовский государст-

венный ансамбль песни и танца «Умари-на» и др. Однако репертуарная политика многих театров в силу необходимости активизировать «борьбу за зрителя» меняется в сторону существенного сокращения постановок на национальных языках. Сказывается, конечно, и недостаток качественного сценического материала, т. е. достаточного количества пьес национальных авторов, которые пользуются популярностью, актуальны и злободневны.

Комплекс проблем, связанных с образованием и культурой финно-угорских народов, существенно шире того спектра, который рассмотрен в этом разделе, но в большинстве своем они связаны с явлениями, описанными выше.

ЭТНОПОЛИТИКА И ПРАВО

До конца 1980-х гг. этнонациональная политика в регионах проживания финно-угров, и, прежде всего, в автономных республиках и округах, не носила системного характера и не имела концептуальной основы. Ее общее содержание определялось идеологическими установками правящего режима, смысл которых сводился к противоречивой формуле «всестороннего расцвета и сближения наций и народностей СССР», а целевые ориентиры определялись идеей формирования «новой исторической общности людей – советского народа», которая во многом мыслилась как надэтническая политическая общность, как советский аналог американской идеи «плавильного котла». При этом в практической деятельности региональных властей этничность воспринималась нередко как весьма важная составляющая социальной системы и потому кадровая политика была ориентирована на соблюдение пропорционального представительства в

органах исполнительной и законодательной власти. К примеру, в Коми в советские годы не менее половины депутатов Верховного Совета являлись представителями коми народа, хотя доля коми в населении в 1989 г. сократилась до 23 %. Это представительство, правда, поддерживалось сугубо административными методами, и как только возможности административного регулирования полностью были исчерпаны, представители титульных этносов стали проигрывать политическую конкуренцию. Сегодня в парламентах Республики Карелия, Республики Коми, Республики Марий Эл доля депутатов из числа представителей титульных этносов заметно ниже, чем доля представителей этих этносов в общей структуре населения названных регионов, а порой это представительство стало символическим. По всей вероятности, формирование депутатского корпуса по партийным спискам может еще более сократить представительство финно-

угров в законодательных органах власти.

В советские годы административно регулировался не только этнический состав органов власти, администрированию подвергались и другие сферы, где этничность имела значение с точки зрения правящего режима и исходя из политических традиций СССР. Так, для представителей титульных этносов ежегодно резервировались места в высших учебных заведениях Москвы и Санкт-Петербурга, куда эти представители могли поступать без конкурса. Однако эти места были фактически монополизированы местной элитой, ибо они распределялись между детьми высокопоставленных чиновников. Таким же административным способом нередко определялась и репертуарная политика театров, книгоиздательская практика, т. е. потребности аудитории, в том числе и этнической, определялись не с учетом запросов самих потребителей, а исходя из официальных установок властей.

Процесс демократизации, начатый Горбачевым, не мог не коснуться и этнокультурной среды и сферы этнонациональной политики. Советская модель этой политики, которая фактически стала приближаться к ассимиляторской, была подвергнута критике. Особую роль в критике «советской национальной политики» сыграли национальные движения и организации, которые стали возникать в СССР повсеместно, но только после проведения специального пленума правящей коммунистической партии, посвященного проблемам национальной политики (1989 г.).

Стремительный рост числа таких организаций и их политическая активность стали для федеральных и региональных властей неожиданностью и, кроме того, власти полагали, что эти движения имеют широкую социальную базу, пользуются поддержкой значительной части населения. Поэтому реакция на требования на-

циональных движений кардинально изменить политику властей в отношении титульных этносов и их проблем была довольно оперативной, но неоднозначной. В одних регионах в деятельности национальных движений власти усмотрели покушение на их полномочия, в других – просто игнорировали требования этнонациональных организаций, в третьих – пошли на сотрудничество с ними. Довольно быстро, однако, во всех этнических автономиях власти поняли, что в их борьбе с федеральным центром за полномочия и ресурсы национальные движения могут быть очень полезны. Поэтому на смену конфронтации пришли новые формы взаимодействия: в одних случаях это был пакт элит (политической и этнической), в других – клиентские отношения, в третьих – патернализм. Эти новые отношения привели к тому, что маргинальные и радикальные элементы в национальных движениях были вытеснены из доминирующих структур национальных движений и оказались на политической периферии.

Новый характер отношений потребовал институционализации отношений между властью и этническими общинами, юридической кодификации и нормирования самой этнонациональной политики в регионах. Этот процесс начался в 1991–1992 гг., когда были приняты декларации о суверенитете республик, российский закон «О языках» и когда стали приниматься первые региональные законодательные акты, определявшие статус языков доминантных этнических групп в регионах проживания финно-угров, юридически закреплялись права этнополитических объединений и ассоциаций. Первый закон «О государственных языках» был принят в Коми в мае 1992 г. Согласно этому законодательному акту, статус государственных языков в республике получали русский и коми язык. В том же году в Коми был принят закон «О

статусе съезда коми народа». Данный закон объявлял съезд коми народа «высшим представительным собранием коми этноса», наделял его правом законодательной инициативы и определял порядок финансирования съездов из бюджета республики²⁰. Таким образом съезд получал монопольное право представлять коми народ, а общественная организация получала государственное финансирование, т. е. фактически огосударствлялась. Это и послужило в дальнейшем причиной отмены данного закона.

В 1991 г. был создан Комитет по национальной политике и межнациональным отношениям при Совете министров Карелии, в 1993 г. был создан Государственный комитет по делам национальностей в структуре правительства Коми (вскоре преобразованный в министерство), в 1995 г. Комитет по делам национальностей появился в Удмуртии. В Республике Марий Эл и в Мордовии департаменты по делам национальностей были созданы в составе Министерств культуры, и сами эти министерства стали именоваться Министерствами культуры и по делам национальностей. Инициатива по созданию подобных министерств исходила от национальных движений титульных этносов в названных республиках.

Министерства на начальном этапе довольно схематично представляли направления своей деятельности, хотя в республиках и были приняты положения о соответствующих правительственных ведомствах, определявшие сферу их компетенции. Главное внимание они уделяли поддержке организованных структур различных этнических общин и, прежде всего, национальным движениям титульных этносов. В их же задачу входила и разработка концептуальных основ региональной национальной политики. Но формироваться концептуальные подходы стали еще на

этапе принятия новых конституций финно-угорских республик. Эти конституции были приняты в 1994 г. и были весьма показательны (в Карелии были внесены лишь изменения в конституцию 1978 г., а новая конституция была принята только в 2001 г.). Показательны они были в том плане, что сами конституционные положения, касающиеся этнополитики, были двусмысленны, противоречивы и отчасти даже конфликтны. Конфликтность заключалась в том, что в ряде основных законов объявлялся приоритет конституционных актов и законов республик с финно-угорским населением над федеральными законами (исключением является Карелия). Кроме того, в конституциях делалась попытка противопоставления титульных этносов иноэтничному населению. Так, в конституции Республики Коми, с одной стороны, сказано, что «носителем суверенитета и единственным источником государственной власти... является ее многонациональный народ», а в следующей статье – что источником государственности является коми народ²¹, хотя источником государственности может быть только право всего народа республики на самоопределение. В конституции Удмуртской Республики присутствует странная и противоречивая формулировка, что она есть государство в составе России, утвердившееся на основе осуществления удмуртской нацией и народом Удмуртии своего неотъемлемого права на самоопределение»²². Тем самым удмуртская нация противопоставлялась народу Удмуртии и как бы не считалась его органической частью.

Данные правовые коллизии объяснялись, с одной стороны, стремлением законодателей проявлять лояльность в отношении титульных этносов республик, в результате чего правовые нормы нередко подменялись политическими лозунгами, а с другой – неопределенностью целей, задач

и приоритетов региональной этнонациональной политики, слабостью теоретических знаний у творцов этнополитики, особенно того, в каком соотношении должны находиться общегражданские и этнические интересы.

Определенность целей, задач должны были придать этнонациональной политике Концепции государственной национальной политики, которые принимались в национальных республиках. Заметим, что федеральная Концепция государственной национальной политики РФ была принята летом 1996 г. Но еще до ее принятия аналогичная концепция была утверждена в Республике Коми. В 1997 г. Концепция государственной национальной политики была принята в Марий Эл, в том же году в Удмуртии приняли Отраслевую программу государственной национальной политики, в 1998 г. Концепцию утвердили власти Мордовии (только в Карелии подобный документ не принят до сих пор). Многие из этих документов повторяли федеральную концепцию, в них не было четкого определения таких понятий, как «коренной этнос», «народ республики (округа)», «этническое меньшинство», не были однозначно сформулированы основные принципы этнополитики, за исключением идей межнационального мира и недопущения дискриминации по этническому признаку, а главное – не был разрешен важнейший вопрос о соотношении этничности и гражданственности, что для мультикультурных сообществ является принципиально важным. Эта неопределенность важнейших концептуальных документов порождала и неоднозначность многих решений и подходов в практике регулирования отношений между государством и этническими общинами, регулирования межобщинных отношений. Более того, она порождала недовольство и подозрения у этнических элит, которое создавало почву для усиления

потенциала конфликтности. Этнические элиты титульных этносов (а точнее – некая часть этих элит) полагали, что в национальных республиках этнонациональная политика должна быть, прежде всего, ориентирована на удовлетворение нужд именно т. н. «коренного этноса» и предоставлять ему определенные преференции. Этнические элиты нетитульных общин, напротив, требовали соблюдать баланс интересов различных этнических групп населения и нередко расценивали меры по государственной поддержке титульных этносов как проявления этноцентризма. Неопределенность концептуальных подходов к этнополитике в регионах давала основания для этноцентристского понимания ключевых целей этнополитики.

В ряде регионов эта неопределенность концептуальных подходов прямо отражалась на общественных настроениях и в политической практике, вызывала острые дискуссии. Особенно очевидными эти проблемы стали в Карелии и Удмуртии, а в последнее время эта неопределенность оказала серьезное влияние на ситуацию в Республике Марий Эл. В Карелии доминирующее политическое большинство, опасаясь роста этноцентристских настроений среди титульного этноса, блокировало принятие закона о языках, а в Удмуртии имели место самые острые среди республик с финно-угорским населением дискуссии об интересах этнических общин.

Однако, несмотря на внутривнутриполитические проблемы и недостаточный уровень взаимопонимания между этническими элитами в регионах проживания финно-угров, помимо неких общих подходов к реализации региональной этнонациональной политики, повсеместно за истекшие полтора десятилетия сформировалась некая правовая база этнополитики и правоприменительная практика. Кроме законов о государственных языках, приняты программы

развития финно-угорских и русского языков в качестве государственных, которые предполагают реализацию комплекса мер, связанных с совершенствованием языковой базы: нормированием языков, подготовкой учебников, словарей и т. д. Там, где языки титульных этносов в силу каких-либо причин не получили статуса государственных, приняты законы и нормативные акты, направленные на их развитие и сохранение. К примеру, в Карелии принят закон «О государственной поддержке карельского, вепского и финского языков»²³. Аналогичные меры приняты и в Ханты-Мансийском округе. Практическая реализация данных законодательных актов осуществляется через принятие соответствующих государственных программ.

Законы о языках являются лишь частью законодательной базы региональной этнонациональной политики. В Коми в нее входят, помимо двух вышеназванных законов, законы «О культуре», «Об образовании», «О национально-культурной автономии» и ряд других. В Удмуртии наряду с законом «О государственных языках» приняты законы «О народном образовании», «О культуре», «О национально-культурных объединениях» и целый ряд правительственных постановлений. Менее всего нормативных документов, призванных регулировать этнонациональную политику, принято в Коми-Пермяцком автономном округе, что отчасти объясняется их неактуальностью в условиях округа. Здесь коми-пермяки составляют 60 % населения, старожильское русское население проживает в исторически сформировавшихся анклавах, а сама социальная среда мало трансформируется, поскольку 70 % населения – это сельские жители, уклад жизни которых достаточно консервативен. Главная проблема КПАО – это низкий уровень жизни и именно он стал причиной того, что здесь наблюдается очевид-

ный кризис этнической идентичности. Первоначально низкий уровень жизни выталкивал из округа наиболее активную, молодую и грамотную часть населения (с 1959 по 1989 гг. численность населения КПАО сократилась с 236 до 159 тыс. чел., а ныне составляет 130 тыс.). Затем стали углубляться процессы этнической эрозии, а в массовом сознании значение Национальной государственности было полностью девальвировано²⁴. О превалировании экономических интересов над этническими можно судить по данным массового опроса, проведенного в Коми в 2004 г. Согласно этим данным, 51 % респондентов поддерживали идею укрупнения регионов, но при условии, что такое объединение приведет к росту жизненного уровня населения. Предполагалось, что поддержка идеи укрупнения регионов будет очень сильно коррелировать с этнической принадлежностью опрашиваемых, но среди коми респондентов в поддержку объединения при условии, что это приведет к росту благосостояния населения, высказалось тоже 51 %, хотя среди этой группы респондентов сторонников «объединения ради объединения» существенно меньше, чем среди выборочной совокупности в целом.

Особо следует сказать о Ханты-Мансийском округе, где принято около 50 нормативных актов, касающихся региональной этнополитики, в числе которых местные законы о территориях традиционного природопользования, об общинах коренных малочисленных народов. Особое место в законодательной базе этнополитики ХМАО принадлежит закону «О порядке проведения съезда коренных малочисленных народов Севера по выдвижению кандидатов в депутаты думы Ханты-Мансийского автономного округа по единому территориальному национально-территориальному избирательному округу». Этот закон гарантирует политическое представительство

ство титульных этносов и представителей коренных малочисленных народов в системе представительной власти округа. Дело в том, что ханты и манси, вместе взятые, составляют всего 1,9 % населения округа, согласно данным переписи населения 2002 г. В такой ситуации обеспечить представительство малых народов в органах исполнительной власти путем обычных избирательных процедур не представляется возможным. Поэтому вся территория округа объединена в единый многомандатный округ, на территории которого избираются шесть депутатов из числа малых народов в думу округа (всего в думе 25 депутатов). Эти депутаты составляют Ассамблею коренных малочисленных народов ХМАО, а председатель этой ассамблеи по закону является заместителем председателя думы. Названный закон очень четко и детально характеризует регламент съезда коренных малочисленных народов, чего нет ни в одном другом региональном законодательном акте, касающемся этнического представительства. По своей идеологии данный закон близок к законодательным актам стран Скандинавии относительно порядка формирования и статуса саамских парламентов, хотя форма представительства, реализованная в Ханты-Мансийском округе, предоставляет больше возможностей для лоббирования интересов малых этнических групп.

Проблему политического представительства карел, вепсов и финнов в Карелии также предлагалось решать путем выделения квот для них в региональном пар-

ламенте, но это предложение не получило поддержки у местной политической элиты. Надо заметить, что, по-видимому, квотирование целесообразно осуществлять там, где доля этнической группы в общем составе населения крайне мала и исход политического соревнования между политическими лидерами различной этнической принадлежности заранее предопределен. Кроме того, даже при квотировании мест в законодательных органах и использовании упрощенных избирательных процедур, население может заблокировать процесс распределения квот, как это имело место в начале 2005 г. в Ненецком округе.

Более реально использовать для политического представительства малых этнических групп консультативные институты. Такой институт создан в Карелии – это Совет представителей карел, вепсов, финнов при Главе республики.

При всем том, что региональная этнонациональная политика является сегодня важной составляющей частью политики региональных властей, она страдает от непоследовательности, отсутствия четких приоритетов, нередко ориентирована только на этнические элиты и не предполагает широкого общественного диалога, а главное – в ней не сбалансированы интересы всех этнических общин, составляющих территориальные сообщества. Именно эти недостатки и стали в значительной мере причиной той конфликтной ситуации, которая в 2005 г. сложилась в Республике Марий Эл.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ И ИХ ИДЕОЛОГИЯ

К началу XX в. национальное движение сформировалось только у карел и бесспорное влияние на этот процесс оказал

опыт соседней Финляндии. В 1905 г. возникло Общество беломорских карел, которое уже на следующий год поставило

вопрос об автономии. В 1917–1918 гг. когда в России после Октябрьского переворота к власти пришли большевики и началась масштабная политизация всех сфер жизни во всех регионах бывшей империи, национальные движения стали формироваться у марийцев, мордвы, удмуртов. Но т. н. «большевистский» этап развития национальных движений завершился в начале 1930-х гг.

В современный период национальные движения у финно-угорских народов России сформировались или были воссозданы на рубеже 1980–1990-х гг., что явилось следствием демократизации общественной жизни. Они не только быстро политизировались, но и стали интегрироваться, вырабатывая или воспринимая со стороны общие идеи для своих политических доктрин. Создание или воссоздание этих движений (некоторые из них называют себя правопреемниками организаций, сформированных в 1917–1918 гг.) – это не только результат внутривнутриполитических процессов развития республик и автономий с финским и угорским населением, но и некая реакция этнических элит на снятие официального «табу» с критического обсуждения проблем этнокультурного развития народов бывшего СССР.

Побудительным мотивом к возникновению различных этнополитических организаций стало обсуждение в 1989 г. платформы КПСС «Национальная политика партии в современных условиях» и прошедшие в рамках этой кампании региональные дискуссии, совещания, научно-практические конференции, организованные местными отделениями правящей тогда коммунистической партии.

В 1989 г. появились такие организации как «Коми котыр» в Коми, Общество Удмуртской культуры в Удмуртии, «Масторава» в Мордовии, Общество карельской культуры (переименованное в Союз карель-

ского народа в апреле 1991 г.), Ингерманландский союз финнов Карелии, Общество вепской культуры в Карелии. В 1990 г. в Марий Эл было создано общество «Марий ушем», в Коми-Пермяцком округе возникло Общество радетелей коми-пермяцкого языка, литературы, культуры «Югэр», в Ханты-Мансийском округе – ассоциация «Спасение Югры». Все эти общества стали основой для формирования национальных движений. Создаваемые первоначально как национально-культурные объединения, они стремительно политизировались, становились реальными политическими акторами, инициировали создание новых политических структур.

Так, общество «Коми котыр» было инициатором проведения в январе 1991 г. съезда коми народа. На нем был избран Комитет возрождения коми народа, к которому и перешла роль лидера коми движения. В конце 1990 г. Общество карельской культуры также выступило с идеей проведения республиканского съезда карел, который был организован в июле 1991 г. в Олонце. В 1991 г. прошел и Всесоюзный съезд удмуртов, подготовленный Обществом удмуртской культуры, получившим название «Дэмен». На съезде была создана действующая на постоянной основе выборная организация «Удмурт кенеш». Высшим органом этой организации является Всеудмуртский съезд, который избирает ее президента и совет представителей для решения текущих вопросов в период между съездами. Общество «Марий ушем» было главным организатором 3-го Съезда марийского народа в октябре 1992 г. (1-й состоялся в 1917 г. в г. Бирске Уфимской губернии, 2-й – в 1918 г. в Казани). Съезд народа мари избрал Большой совет народа мари из 54 чел. сроком на 4 года. В марте 1992 г. состоялся 1-й Съезд мордовского народа, главная заслуга в подготовке и проведении которого принад-

лежала обществу «Масторава». На этом съезде был избран Совет возрождения мордовского народа.

Все указанные съезды, однако, проводились при финансовой и организационной поддержке региональных властей. При их же финансовой поддержке проходили и все последующие съезды (состоялось уже восемь съездов коми народа, пять съездов карел, два съезда коми-пермяцкого народа, три съезда мордовского народа, четыре съезда народа мари и т. д.)³.

После создания первых национальных организаций в российских республиках с финно-угорским населением и оформления в каждой из них политических институтов титульных этносов в форме съездов народов, начались процессы структурирования этнических движений. Появились многочисленные местные отделения республиканских этнополитических организаций, стали возникать молодежные национальные союзы и объединения, выделялось радикальное крыло национальных движений. К последнему можно отнести т. н. партию «Дорьям асьнымцс» и организацию «Коми став» в Коми, «Карельское движение», «Карельский конгресс», «Карельская народная партия», «Ингерманландское народное движение за возрождение» в Карелии, «Кугезе мланде» в Марий Эл, «Эрзянь мастор» в Мордовии.

Уровень развития национальных движений разный, а потому различна и степень их влияния в республиках и автономиях. В целом же, как показывают многочисленные исследования, поддержка этих движений даже среди представителей титульных этносов невелика. Не способствует их влиянию в обществе и внутренний раскол, который наиболее очевиден в Мордовии (здесь он произошел еще в середине 1990-х гг.), Марий Эл и Карелии. Политическая слабость этих движений порой провоцировала их радикализацию, а

кроме того, способствует переключению активности с регионального на локальный уровень, что нашло выражение не только в активизации местных организаций, но и в стремлении к этнической фрагментации, как в политическом, так и в этническом плане. Это и требование эрзянских радикалов признать, что «мордва – это миф», а есть два самостоятельных народа – эрзя и мокша; это и требование северных коми и их ассоциации «Изьватас» признать коми-ижемцев «коренным малочисленным народом Севера», это и усиливающееся дистанцирование горных марийцев и их национальных организаций от общемарийского движения.

В социальном плане формирование этнополитических движений было подготовлено, ибо финно-угорские этносы в советскую эпоху из сугубо аграрных сообществ в большинстве своем превратились в индустриально-аграрные или аграрно-индустриальные. А, согласно концепции Э. Геллнера, с которой в данном конкретном случае вполне можно согласиться (хотя и с оговорками), аграрные сообщества не могут быть националистичны, ибо их культурная специфичность поддерживается и воспроизводится самой повседневностью. И только индустриальные сообщества становятся националистичными⁴. Однако социальная подготовленность финно-угорских этносов к формированию собственных национальных движений не сопровождалась их политической и идеологической обоснованностью, что объяснялось отсутствием в бывшем Советском Союзе гражданского общества. Поэтому не случайно, что свои идеологические конструкции лидеры современных национальных движений финно-угорских народов России были вынуждены заимствовать у более подготовленных общественных движений и, прежде всего, у эстонских коллег. Это касается и далеко не бесспор-

ной идеи ИМЕ (республиканского хозрасчета), и положений Общей программы Народного фронта Эстонии о государственном суверенитете, законах о гражданстве, миграции, защите национального языка²⁷. Причем заимствовались как принципиальные положения, так и трактовки идей. Это чаще всего были опосредованные заимствования, но они легко прослеживаются и нередко даже текстуально. Вместе с тем, безусловно, основную роль в конструировании политических доктрин играли местные этнические элиты. Однако здесь более важно то, что начальная идеологическая неподготовленность движений существенно повлияла на дальнейший ход их политической эволюции, которая характеризовалась поиском политических и культурных ориентиров на национальном, глобальном и локальном уровнях.

Говоря об идеологии, следует иметь в виду, что какой-то общей цели, детально разработанной концепции политического и культурного реформирования в финно-угорских республиках и автономиях не существует. Есть только ряд принципиальных положений, которые признаются всеми или почти всеми национальными организациями. Последнее обстоятельство и позволяет ставить вопрос об общей политической платформе национальных движений и ее научном анализе.

В идеологии национальных движений в финно-угорских республиках весьма значимое место отводится идее этнического самоопределения. Поскольку титульный этнос рассматривается как «источник и носитель национально-государственного суверенитета»²⁸, поскольку право на самоопределение рассматривается как право одной этнической общности самоопределиваться независимо от национального состава этих республики ее проживания. Впрочем, идея этнического самоопределения понималась не как стремление к по-

литической независимости, как желание обеспечить титульным этносам политическое лидерство в республиках и автономиях с финно-угорским населением.

В вопросе самоопределения имеется достаточно много неопределенностей, ибо «в течение длительного времени принцип самоопределения считался скорее политическим или моральным постулатом, чем действующей правовой нормой»²⁹. Тем не менее очевидно, что противопоставление этнического гражданскому закладывает существенное противоречие во все идеологические конструкции российских финно-угорских идеологов, ибо невозможно совместить декларативные заверения об их приверженности и равенству народов и культур, с одной стороны, и противопоставление этноса согражданству – с другой.

Только рассматривая народ как совокупность граждан, а не как общность по признаку этнической принадлежности, можно реализовать принцип приоритетности прав человека над какими-то групповыми правами.

Обоснованием права на этническое самоопределение является тезис о том, что титульные этносы являются коренным, т. е. исконным, аборигенным населением и тем самым имеют особые права на землю, природные богатства, положение в обществе, могут претендовать на политическое доминирование в финно-угорских республиках. Обычно в программных выступлениях и заявлениях лидеров национальных движений используются не синонимичные термины «коренной этнос», «коренная нация».

Вместе с тем предпринимаются попытки поставить знак равенства между используемым в международной практике термином «коренное население», «коренные народы» и титульными народами рассматриваемых республик. Заметим, что представители национальных движений

участвуют в деятельности Рабочей группы по вопросам коренного населения Организации Объединенных Наций и что на 1-м Всероссийском съезде финно-угорских народов в Ижевске была принята «Декларация прав коренных народов России». Однако, как известно, не существует общепринятого определения «коренного населения». Порой нельзя и достаточно однозначно определить, какие этнические группы на данной территории могут считаться «коренными».

Используя определения, предлагаемые международными экспертами, можно сказать, что под термином «коренное население», прежде всего, понимаются народы, подвергавшиеся внешней колонизации, иностранным завоеваниям и в силу специфики своей исторической эволюции еще находящиеся на более низком уровне развития, чем доминирующее население, и подвергающиеся дискриминации и даже геноциду»⁹. Исходя из этого определения, финно-угорские народы (за исключением, возможно, обских угров) вряд ли можно считать «коренным населением» хотя бы потому, что по уровню своего развития они мало отличаются от остального населения, не имеют особых общественных институтов и не подвергаются прямой дискриминации или геноциду (правда, проблемы в их культурном развитии очевидны). Что касается отечественного закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов», то он определяет коренные малочисленные народы как этнические сообщества, численность которых не превышает 50 тыс. чел., а его представители проживают на «территориях традиционного расселения своих предков» и сохраняют традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы. Это определение весьма условно, поскольку народов, которые бы полностью сохранили традиционные промыслы, хозяйство и образ жизни в России

уже не существует. К примеру, среди хантов и манси, отнесенных к названной категории народов, по данным последней переписи населения, 34,6 % и 51,8 % в общей социальной структуре этносов составляют горожане, которые, естественно, не ведут традиционного хозяйства и не сохраняют традиционный образ жизни.

С идеей приоритетных прав «коренных этносов» тесно связана другая идея, которая касается некой «коллективной включенности народа в политический процесс»¹⁰, а также ее конкретное выражение – предложение о реформировании политической системы и преобразовании местных республиканских парламентов. Идея реформирования парламентского устройства имела несколько вариантов. По одному из них, представителям титульных национальностей во властных структурах в целом и в парламенте, в частности, должно быть гарантировано 50 % мест, независимо от их доли в общей численности населения¹¹. Согласно другому варианту, который наиболее часто излагается и даже получил поддержку на 1-м Всероссийском съезде финно-угорских народов, парламенты в «финно-угорских» республиках должны состоять из двух палат. Одна из них будет формироваться на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права, а другая состоять только из представителей титульных этносов¹². При этом вторая палата будет обладать правом вето.

Впрочем, приемлемый механизм формирования такого парламента до сих пор никем не предложен. Ясно, что реализация подобной идеи означает отказ от общедемократического принципа проведения прямого, равного и тайного голосования во время общереспубликанских выборов. Кроме того, это означает сверхпредставительство титульных этносов, ибо каждый его представитель получает как бы два голоса. Общество в результате будет

разделено через политическую систему на две группы, обладающие разными правами. Это усилит возможность конфликтов, ибо, чем больше в обществе бинарных маркеров, тем выше потенциал конфликтности.

Там, где демократические институты действуют эффективно, на наш взгляд, нет необходимости в сооружении сомнительных конструкций этнического представительства. К примеру, 6 % шведов в Финляндии совершенно не нуждаются в особых гарантиях и никогда их не требовали, хотя в этой стране и существуют организации, выражающие общинные интересы финских шведов. Предоставление особых политических или экономических прав титульному этносу, представители которого составляют заметную часть территориального сообщества, не только повысит возможность конфликта, но и искусственно упростит картину этнического взаимодействия в регионах. Вместо утверждения в массовом сознании идеи мультикультурности, узаконивается биполярная схема межнационального сообщества: коренной этнос – инонациональное население. При этом следует заметить, что каждая национальная общность в случае узаконения особого характера формирования парламентов получает моральное право претендовать на отдельное представительство. Во всяком случае, в Мордовии, к примеру, более логическим был бы вариант, при котором такого рода права стали бы добиваться эрзя, мокша и татары.

Вместе с тем нельзя не согласиться с утверждением, что «обычный демократический принцип “один человек – один голос” не является универсальным для обществ со сложным этническим составом населения. Он только обеспечивает базовую основу демократии и ориентирован, прежде всего, на индивидуальные гражданские права»⁴. Поэтому в многонацио-

нальных сообществах необходима особая система согласования интересов национальных общин.

Разумными элементами такой системы могли бы стать съезды народов, а также их исполнительные органы, которые имели некоторое время возможность обрести статус консультативных палат при национальных парламентах. Однако данный статус они могли обрести только при соблюдении одного важнейшего условия: если бы было обеспечено реальное, а не мнимое представительство на этих съездах лиц, являющих собой титульные этносы, т. е. если бы удалось обеспечить демократическую процедуру выборов на эти съезды и каждый представитель народа имел право избирать и быть избранным. При этом образцом для подражания могла бы стать практика т. н. «саамских парламентов», созданных в Финляндии, Норвегии, Швеции⁵. К примеру, норвежский закон «О законодательном собрании народа саами...» предписывает, что выборы в это собрание проходят одновременно с выборами в стортинг, по обычной избирательной процедуре, но по специальным спискам саами, куда включают всех, кто заявил о своих саамских корнях. Раз в год, согласно закону, собрание готовит доклад для короля Норвегии, в котором характеризуется положение саами в стране⁶.

Лидеры национальных движений упустили возможность превратить этнические съезды в демократические институты и построили систему «выборов без выбора» по типу всем хорошо известной советской избирательной системы. Впрочем, в случае с избирательными процедурами этнических съездов даже советская избирательная система выглядит более демократичной, ибо она предполагала всеобщее избирательное право. Такого права собственным этносам национальные лидеры не предоставили, ибо не были заинтересо-

ны в том, чтобы принцип реальной или прямой выборности на эти съезды стал естественным и незыблемым или не считали этот принцип существенно значимым. Например, в Республике Коми в принятом в 1992 г. парламентом законе «О статусе съезда коми народа» было сказано, что «съезд является высшим представительным собранием коми этноса» и его легитимность должна обеспечиваться демократической процедурой выборов³⁸. Это заставило Комитет возрождения коми народа перед 3-м Съездом коми народа принять положение о выборах делегатов. Однако ни закон о статусе съезда, ни положение о выборах делегатов не оговаривали процедуру выборов и систему контроля за ней. В результате на третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой и восьмой съезды в 1993, 1995, 1997 и 2000, 2002 и 2004 гг. демократические по существу выборы организованы не были, что отнюдь не способствовало росту авторитета этих форумов. На 3-м Съезде мордовского народа в 1999 г. также была принята декларация о статусе съезда, в которой он объявлялся высшим представительным собранием граждан мордовской национальности³⁹, но и в Мордовии состав делегатов съездов не формировался путем демократических выборов. Аналогичные форумы в Удмуртии, Марий Эл, Коми-Пермяцком округе также не могут претендовать на то, что собирают полномочных представителей удмуртского, марийского и коми-пермяцкого народов.

Подобная ситуация свидетельствует о глубоких внутренних противоречиях в практической деятельности национальных движений. С одной стороны, съезды народов объявлялись высшими представительными собраниями этносов, а с другой – проблема представительства и демократических выборов не решалась, а все предложения о демократизации процедуры выборов отвергались⁴⁰. При этом съезды пре-

тендовали на статус высших представительных собраний титульных этносов.

Проблема легитимности съездов народов, а лучше назвать их съездами полномочных представителей народов, на этапе подъема национальных движений была весьма актуальной, поскольку, с одной стороны, они являлись видимой политической силой и их решения могли иметь далеко идущие политические последствия, а с другой – федеральная власть как бы сама узаконила идею этнического представительства, что далеко не бесспорно. В частности, в стране сформирован некий новый орган – Ассамблея народов России как общественно-консультативная палата при Президенте⁴¹.

Важной стороной деятельности национальных движений финно-угров и важной составляющей их идеологии являются попытки формирования некоей новой идентичности – «Финно-угорского мира». Идеологи национальных движений заявляли неоднократно о необходимости «воссоздания» такого мира, а сегодня утверждают, что финно-угорский мир стал реальностью.

Но такая широкая идентичность не может формироваться на зыбкой лингвистической основе, тем более что в языках финно-угорских народов сохранилось очень немного элементов финно-угорского праязыка-основы. Территориально эти народы разобщены. В культурном плане народы финно-угорской группы очень существенно отличаются друг от друга, тесных экономических связей между регионами их проживания нет, а интенсивные культурные обмены, которые стали реальностью в последние годы, не могут привести к осознанию финно-угорского единства широкими слоями населения. Это осознание есть только у узкого слоя этнической элиты, которая, правда, и формирует идеологию. В этой связи известный финский языковед Сиркка Сааринен замечает: «По-

нятно, что финно-угорские меньшинства России сегодня стараются строить свою национальную идентичность с помощью финно-угорского родства и рассматривают Финляндию и Венгрию как удачные модели для подражания в этом отношении. В Финляндии, Венгрии и Эстонии миф о финно-угорском сообществе, которое проявляет себя в культурных, лингвистических и других особенностях, был создан и принят, прежде всего, в образованных кругах как объединяющая сила. Через систему образования он стал общеизвестным и признанным. Таким образом, по существу сконструированный он стал фактом. В России образованная страта у финно-угорских народов все еще очень тонкая, и этническая интеллигенция не имеет возможностей и средств для того, чтобы использовать эту идею как силу, формирующую идентичность таким образом, как это было использовано на Западе. Для восточных финно-угров, живущих в совершенно другой реальности, нежели та, что имела место, когда только зарождался миф об общности, вопрос о том может ли такая абстракция, как общий праязык все еще воздействовать на судьбы наций в XXI в., остается без ответа»¹¹.

Тем не менее на рубеже 1980–1990-х гг. существовала объективная необходимость объединения финно-угорских народов России, поиска и политического статуйрования новой широкой идентичности, которая объяснялась дефицитом политического ресурса отдельных национальных движений финно-угорских народов, представлявших, как правило, интересы миноритарных сообществ, не обладающих достаточным политическим весом и значительным политическим представительством во властных структурах регионов их проживания. Этот дефицит был очевиден повсеместно и в одних случаях сразу заставлял объединяться в широкие политические

объединения (как это произошло в 1990 г. с народами Севера, создавшими Ассоциацию коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока), в других – требовался определенный этап для осознания своих политических интересов и своих политических возможностей (как это имело место с финно-угорскими народами, татарами, башкирами). Общая политизированность жизни в России в начале 1990-х гг. способствовала ускоренному политическому позиционированию национальных движений, поэтому уже в феврале 1992 г. в Сыктывкаре состоялась «учредительная конференция полномочных представителей национальных форумов (съездов), общественно-политических и национально-культурных движений», учредивших Ассоциацию финно-угорских народов (АФУН) и заявивших в принятой ими декларации о начале «формирования единого финно-угорского социально-экономического, культурного и информационного пространства»¹². В мае 1992 г. в Ижевске состоялся 1-й Всероссийский съезд финно-угорских народов, на котором было заявлено, что «Съезд является высшим национально-этническим органом финно-угорских народов Российской Федерации»¹³. В августе того же года в Сыктывкаре состоялся I Всемирный конгресс финно-угорских народов, на котором был создан Международный консультативный комитет финно-угорских народов со штаб-квартирой в Хельсинки. В «Обращении к парламентам и правительствам Российской Федерации и финно-угорских республик, входящих в ее состав», принятом на конгрессе, говорилось о «возрождении финно-угорского мира», о «многовековой борьбе финно-угорских народов за свое самоопределение» и выдвигался ряд предложений в области политики и права, которые вели к огосударствлению этничности¹⁴. Первый конгресс лишь продемонстрировал воз-

возможности использования новой структуры, которая поставила задачу добиться статуса неправительственной организации ООН как лоббиста политических интересов этнических и, прежде всего, региональных элит (ибо все четыре конгресса проводились при их непосредственном участии и прямой поддержке, включая финансовую). Вторым конгрессом, который состоялся в Будапеште в 1996 г., предложил выработать конкретные механизмы этого лоббирования. «В частности, предлагалось формирование прямых международных связей между родственными народами и государствами, а также подключение российских финно-угров к деятельности Евросоюза и других международных европейских организаций помимо Российской Федерации, вне федеральных структур, прежде всего, через государственные и общественные организации Финляндии»⁶.

III Всемирный конгресс финно-угорских народов, состоявшийся в 2000 г. в Хельсинки, на заседаниях в секции политики сосредоточил внимание на государственном законодательстве, касающемся прав национальных меньшинств и коренных народов на государственном и региональном уровнях. При этом обсуждение названных проблем началось еще задолго до начала конгресса, когда были опубликованы тезисы ключевых докладов основных секций⁷.

Оценивая деятельность и сущность подобных конгрессов, директор Института этнологии и антропологии РАН В. Тишков заявил следующее: «“Всемирные” этнические съезды, а также “казачьи круги” и прочее есть порождение ослабевшей государственной власти и кризиса гражданской идентичности. Это своего рода квазигосударственность, когда не хватает собственно государственности в строго гражданском понимании»⁸. Впрочем, сказано это было по поводу оценки итогов III Все-

мирного конгресса татар, а между татарским конгрессом и финно-угорским есть разница. В татарском варианте всемирный конгресс становится, прежде всего, инструментом закрепления особого статуса Татарстана в рамках Российской Федерации, инструментом идеологического обоснования того, что «геополитические приоритеты Татарстана никак не могут выстраиваться в узких рамках русско-православной Евразии», что политические притязания его политической элиты требуют сохранения «особого акцента на общетюркские и мусульманские начала своей культуры и идентичности»⁹. В случае с финно-угорскими народами России декларирование языкового, исторического и культурного родства этих народов и конструирование на этой основе новой идентичности – «Финно-угорского мира» по сути своей есть попытка расширения группы солидарности и поиск внешних ресурсов для сохранения слабеющих политических позиций титульных этносов в национальных республиках и автономиях России. Причем это направление политической интеграции с середины 1990-х гг. стало основным в деятельности национальных движений финно-угров. После того как в 1995 г. в Кудымкаре (столице Коми-Пермяцкого автономного округа) состоялся 2-й Всероссийский съезд финно-угорских народов, съезды эти больше не проводились, хотя по уставу они должны проходить через каждые три года. Правда, в октябре 2005 г. в Москве в спешном порядке был организован 3-й Съезд АФУН и эта общественная организация, которая в 2002 г. пропустила срок перерегистрации и юридически прекратила свое существование, была воссоздана. Зато заседания Консультативного комитета финно-угорских народов проходят регулярно в столицах российских «финно-угорских республик», в Финляндии, Эстонии и Венгрии. Всемирные конгрессы

финно-угорских народов становятся все более представительными, а культурные связи между названными регионами не утрачивают интенсивности. Именно это позволило заместителю министра культуры и по делам национальностей Республики Марий Эл заявить следующее: «Единый финно-угорский мир зарождается на наших глазах, тяготение это ощущается особенно в финно-язычной среде. Международное финно-угорское движение стало общественным явлением в Европе и, безусловно, будет направлено на сохранение и развитие народов, входящих в эту языковую семью»⁹. Сходных по смыслу заявлений в последние годы было сделано множество и официальными лицами, и лидерами национальных движений. Что же касается научного сообщества, то здесь имеет место надежда на то, что расширение связей с родственными народами на Западе, позволит российским финно-уграм осуществить ускоренную модернизацию, преодолеть культурное отставание от более развитых этнических сообществ¹⁰, т. е. усилит их позиции в культурной и языковой конкуренции.

Важно выяснить, в чем состоит причина усиливающегося внимания национальных лидеров к идеологической конструкции «Финно-угорского мира». Она связана с рядом обстоятельств, но более всего – с очевидным кризисом национальных движений, который признается и многими активистами этих движений¹¹. Кризис этот был неизбежен и спровоцирован самими лидерами. Он связан с двумя принципиальными ошибками в политической деятельности и идеологии движений.

Первая из них состояла в том, что и идеология, и политическая практика национальных движений вольно или невольно противопоставляла интересы титульного населения интересам доминантного большинства. Это было ошибочно не

только по причине отторжения такой политической линии иноэтничным большинством населения, но и потому, что весьма значительные маргинальные группы также не воспринимали идею особых или специфических прав титульного населения. Это было ошибочно исходя из фундаментальных интересов самих финно-угорских этносов и исходя из интересов развития гражданского общества.

Второй неверный ход национальных лидеров заключался в том, что выработка решений и политической линии были монополизированы ограниченными группами активистов, которые не стремились к демократизации норм партийной жизни и к вовлечению в орбиту национальных движений широких слоев населения, хотя сами они, как правило, выступали от имени собственных народов. В результате эти движения не получили поддержки и среди собственных народов. Апелляция же к «Финно-угорскому миру», стремление представить его как некую социальную реальность была единственной возможностью повысить значимость этих движений и представить их как эффективных политических акторов. Помощь со стороны западных партнеров в этой ситуации не только не способствовала оздоровлению движений, но, наоборот, консервировала их кризисное состояние. Кризис же самих движений породил и кризис финно-угорских идентичностей в России. Недолгий период роста общественного интереса к этнической культуре, усилившегося стремления молодежи к идентификации себя как представителей тех этнических общностей, к которым принадлежали их предки, вновь сменился стремлением к интеграции в доминантное большинство. Свидетельством тому стали и результаты переписи населения 2002 г., показавшие значительное снижение численности практически всех финно-угорских народов¹².

Несомненно, что формирующая идеологию национальных движений этническая элита должна отстаивать экономические, политические и культурные интересы своих народов, должна стремиться к тому, чтобы для их развития были созданы оптимальные условия. В этом отношении, конечно, существенно значимо то, как строятся федеративные отношения в государстве, какой объем полномочий есть у субъектов федерации, а какой у федерального центра. По поводу федерализма в российских политических кругах достаточно долгое время продолжают острые дискуссии. Но, что характерно, в идеологии национальных движений, о которых мы говорим, нет сколько-нибудь основательно разработанных идей реформирования российского федерализма и не определены даже политические интересы в этой сфере.

В каждой из республик или автономий, где проживают финно-угорские народы, исторически сложились полиэтнические территориальные общности. Для сохранения социальной стабильности внутри этих сообществ необходимо, чтобы уровень их консолидации был довольно значителен, необходимо формирование традиций местной солидарности и взаимного доверия, ибо «именно доверие позволяет гражданскому сообществу преодолевать то, что экономисты называют «оппортунизмом» – то есть те ситуации, в которых общий интерес не осознается, так как каждый индивид, действуя изолированно, имеет соблазн уклониться от коллективного действия»⁵³. При этом консолидация может происходить, как показывают многочисленные исследования, не на этнической, а на гражданской основе. В то же время в идейных конструкциях национальных движений идея территориальной гражданской солидарности отсутствует. Между тем, исследователи этнического измерения политической культуры современной России

верно отмечают, что «общенациональное единство и общая национальная идентичность – это изначальная и обязательная предпосылка успешного демократического транзита...»⁵⁴. Строиться общенациональное единство и общая идентичность должны снизу, через формирование прочных территориальных сообществ, осознающих себя частью единого государственного организма. Такое единство очень важно для самих национальных организаций, для удовлетворения политических и экономических интересов национальных меньшинств, ибо оно не позволит им оставаться один на один с властью, обеспечивает политическими союзниками в кризисных ситуациях. Думается, острую необходимость такой солидарности почувствовали те лидеры марийского движения, которые после переизбрания в декабре 2004 г. президента Марий Эл Маркелова на новый срок решили провести чрезвычайный съезд марийского народа и были вынуждены проводить его на улице в окружении милиции. Имевшие место попытки давления на избирателя, нарушения в ходе избирательной кампании, невозможность вести открытый диалог с соперниками были дополнены некоторыми некорректными заявлениями в отношении представителей титульного этноса со стороны окружения действующего президента. Этому требовалось дать политическую оценку, для чего и был организован съезд. Но протесты определенной части национального движения оказались изолированной акцией, ибо не получили поддержки со стороны других политических и общественных сил республики и таким образом не оказали влияния на власть. Более того, даже нападение на лидера марийского движения В. Козлова и его избивание не привели к серьезным акциям политической солидарности с этим движением ни в самой республике, ни за ее пределами, хотя в эстонской

и финской прессе была инициирована кампания в защиту марийского народа от притеснений со стороны российских властей.

Таким образом, политическая изоляция национальных организаций заставляет их искать союзников за пределами России и невольно превращает их в некую оппозиционную силу. Очевидно, что отказываться от контактов и диалога с национальными движениями нельзя, несмотря на то, что их политический вес сегодня крайне незначителен. В политическом плане эти

организации необходимы власти. И хотя бы исходя из принципиальных положений общей теории конфликта. Любой конфликт легче урегулировать и им можно успешно управлять, если обе конфликтующие стороны представлены некими организациями. Поэтому вытеснять национальные организации из сферы этнополитики, как это вольно или невольно пытаются сделать в Марий Эл, просто неразумно с позиций политического менеджмента.

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ ПРОЖИВАНИЯ ФИННО-УГРОВ РФ

Очевидно, что процесс формирования региональной этнонациональной политики еще не завершен и нуждается в серьезной корректировке. Основной недостаток предшествующего этапа, во время которого сформировались некие концептуальные основы региональной этнонациональной политики, заключается в декларативности самой политики, в оценке территориальных сообществ как неких механических объединений различных этнических компонентов, в преимущественном внимании к проблемам титульных этносов и несбалансированности интересов этнических общин в институциональном плане.

Британский опыт мультикультурализма очевиднее других показал, что поддержка меньшинств и их культурного своеобразия, удовлетворение их культурных интересов не может осуществляться в таких формах, которые ведут к ослаблению гражданской солидарности, гражданского единства в обществе. И тем более этнонациональная политика не может строиться таким образом, чтобы интересы этниче-

ских меньшинств (и они сами как социальные общности) противопоставлялись интересам доминантного большинства, ибо такое противопоставление не только нарушает гражданское единство и усиливает потенциал конфликтности в обществе, но и противоречит интересам меньшинств. Попытки противопоставить меньшинства доминантному этническому большинству под видом того, что они являются титульными этносами, «коренными народами», ввести этническую иерархию, приводит лишь к тому, что большинство усиливает культурное давление на этнические меньшинства и последние в качестве защитной реакции начинают усиленную культурную интеграцию в доминантное большинство.

Очевидно, что ведущим принципом этнонациональной региональной политики должно стать четко выраженное стремление к формированию целостных региональных сообществ. Именно в таких сообществах высока гражданская солидарность, а потому доминантные группы весьма лояльны к требованиям и запро-

сам меньшинств и готовы в случае необходимости для поддержания политических, экономических или культурных интересов миноритарных сообществ пойти на определенное ущемление интересов большинства, т. е. вполне лояльно принимают идею позитивной дискриминации.

Второй важный принцип региональной этнонациональной политики – это принцип культурной свободы. Очевидно, что в полиэтнических сообществах, каковым является и население регионов, где проживают представители финно-угорских народов РФ, не может быть навязывания этничности или каких-либо культурных стандартов. Только свободный выбор языков обучения, культурных ценностей и норм может способствовать сохранению конкурентоспособности языков и культур, поддержанию их символического значения для этнических групп. Попытки навязать, к примеру, языки меньшинств для обязательного обучения в школах национальных республик РФ, наоборот, делают эти ценности негативными символами, приведут к их отторжению значительной частью населения – как доминантным большинством, так и представителями самих меньшинств. Культурное многообразие нельзя поддерживать культурным диктатом.

События осени 2005 г. во Франции показали, что весьма важное значение в практической этнополитике властей любой страны со сложным составом населения и регионов, в населении которых наличествуют культурно отличные компоненты, является создание условий для того, чтобы зоны социального неблагополучия и этнические анклавы не совпадали территориально, чтобы этнические меньшинства по своему социально-экономическому положению не могли относиться к социальным аутсайдерам. Создание таких условий требует последовательной и дли-

тельной работы, вложения средств, продуманной социальной политики, частью которой, естественно, служит и этнонациональная политика. Применительно к регионам проживания финно-угров в России мы можем констатировать, что топография бедности и социального неблагополучия во многом совпадает с «этнической топографией». К примеру, половина Коми, которые проживают в Республике Коми, – это сельские жители. И именно в сельской местности социальные проблемы наиболее остры: доходы населения здесь в два раза ниже среднереспубликанских, уровень безработицы в двое-трое выше, а с учетом скрытой безработицы он выше в несколько раз, состояние здоровья населения и обеспеченность его услугами здравоохранения существенно ниже средних по республике показателей. Село переживает затяжной и глубокий аграрный кризис, который приводит ко все более очевидной социальной деградации сельского населения. При этом республиканские власти до сих пор не разработали программы социально-экономического развития села, а по сути – программы саниации или программы социально-экономической реабилитации сельского населения. Аналогичная ситуация и в Удмуртии, Марий Эл, Коми-Пермяцком округе, Мордовии. В результате село, которое в современных условиях является той средой, которая должна поддерживать этничность финно-угров, обеспечивать этнодемографическое и этнокультурное воспроизводство, не способно выполнять эту роль. Очевидно, что программы социально-экономического развития аграрной сферы в финно-угорских республиках необходимы, и они должны стать ключевым звеном в региональной этнонациональной политике. Эти программы должны касаться как развития и диверсификации сельской экономики, так и коренной пе-

рестройки социальной сферы: образования, здравоохранения. Особое внимание надо в этой связи уделить модернизации системы образования на селе, ибо если общий аграрный кризис будет дополнен и кризисом системы сельского образования, то это лишит будущего не только сельских детей, но и однозначно приведет к многократному усилению процессов деэтнизации среди финно-угров.

Для изменения вектора развития финно-угорских народов России, т. е. для ослабления процессов деэтнизации, политику в отношении финно-угров необходимо сделать более прагматичной и сместить центр тяжести региональной этнонациональной политики с культурологических аспектов, на социально-экономические. Сегодня, прежде всего, необходимы меры экономической и социальной поддержки для выживания финно-угорских народов. Между тем большинство активистов национальных движений и многие западные ученые и эксперты видят пути решения проблем финно-угров только в культурной сфере.

Так в ноябре 2005 г. на расширенном заседании Консультативного комитета финно-угорских народов в Сыктывкаре (Республика Коми) венгерский языковед Янош Пустаи предложил комплекс мер по поддержке финно-угорских народов, в числе которых были следующие: 1) создать в Венгрии центр финно-угорских языков; 2) оказывать поддержку российским специалистам в терминологических работах, связанных с развитием лексической базы языков российских финно-угров; 3) добиваться того, чтобы все предметы в национальных школах преподавались на финно-угорских языках; 4) составить онтологии финно-угорских литератур и перевести их на все финно-угорские языки; 5) создать международную виртуальную сеть финно-угорских университе-

тов; 5) написать информационные книги о каждом финно-угорском народе на своем языке и перевести их на все финно-угорские языки, а также на английский.

Программы поддержки финно-угорских народов, которые имеются у Эстонии, Венгрии, Финляндии также имеют сугубо культурологическую направленность. Они, в частности, касаются финансирования культурных обменов, поддержки издания учебников на финно-угорских языках, финансирования программ обучения в вузах Эстонии, Финляндии и Эстонии российских студентов из числа финно-угров. Но эти программы в значительной мере направлены на поддержку собственных культурных институтов. Так, поддержка обучения в вузах названных стран есть скрытая форма поддержки собственных университетов. Не секрет, что значительное число финно-угорских студентов из России, после окончания западных университетов не возвращается на родину. Кроме того, обучение в России нередко ни в чем не уступает западному, а многие вузы способны дать и более качественное образование. Поэтому целесообразно было бы в качестве поддержки выдавать именные стипендии финно-угорским студентам для обучения в вузах России.

Сегодня в рамках финно-угорского сотрудничества проводятся многочисленные мероприятия: фольклорные фестивали, выставки, съезды финно-угорских писателей и т. д. Однако все эти мероприятия затрагивают очень узкий круг людей и слабо воздействуют на сознание подавляющего большинства населения. А нужны именно эффективные средства воздействия для того, чтобы они способствовали глубокому знакомству с культурными традициями и поддерживали тем самым этническую идентичность.

К примеру, предложение Пустаи о создании серии информационных книг о

финно-угорских народах, хоть и интересно, но неэффективно, ибо и на Западе, и в России в последние годы читать стали меньше и электронные средства массовой информации, интернет и другие формы культурного потребления все более теснят на культурном рынке печатную продукцию. Поэтому такие книги прочтет очень небольшое количество читателей и общий эффект от этого затратного проекта будет крайне незначителен. Другое дело, если бы совместными усилиями был создан цикл образовательных телепрограмм об истории и культуре финно-угров, сделанных на высоком профессиональном уровне. Этот информационный продукт был бы востребован. Более того, хороший позитивный опыт в этом деле уже имеется, ибо уже есть межрегиональный тележурнал «Финно-угорский мир», который поочередно создается телестудиями разных регионов с финно-угорским населением и демонстрируется всеми региональными телестудиями. Редакция данного журнала могла бы заняться реализацией такого образовательного и культурного проекта при получении соответствующего финансирования. Если развивать идею об эффективной культурной политике, то можно предложить создать межрегиональную финно-угорскую редакцию на базе тележурнала «Финно-угорский мир», где можно было бы сосредоточить специалистов, финансы и техническую базу для подготовки телепрограмм на национальных языках для всех регионов проживания финно-угров. Это могло бы повысить и качество телепрограмм, и степень их воздействия на аудиторию. Таким же путем в свое время был создан информационный сайт финно-угорских народов на базе агентства «Коминформ», который сегодня получил общее признание. Очевидно, что необходимо расширять и развивать интернет-ресурсы на финно-угорских языках.

Представительство финно-угорских языков в средствах массовой информации в регионах их проживания по определению не может быть довольно значительным, ибо финно-угорское население является меньшинством и значительная доля среди самих финно-угров сегодня предпочитает пользоваться русским языком в семье, получать на этом языке информацию. Оптимальным было бы создание в регионах проживания финно-угров отдельных национальных телеканалов. Но, во-первых, это очень затратное дело, а во-вторых, достаточно количества квалифицированных тележурналистов, владеющих финно-угорскими языками для этого нет. Менее затратно – организовывать в сельских районах, где компактно проживают финно-угры, местные радиостанции, вещающие на языке основной части населения.

Государственная поддержка национальных средств массовой информации и отдельных телепрограмм, равно как и издание социально значимой литературы, поддержка культурных мероприятий должна осуществляться на конкурсной основе с целью повышения качества культурной продукции.

Безусловно, официальная политика поддержки культур финно-угорских меньшинств не может и не должна осуществляться в ущерб культурным интересам других этнических общин и здесь важно соблюдать строгий баланс интересов. При этом, очевидно, что ресурсы государства ограничены, и оно не способно оказать поддержку всем возможным начинаниям и проектам. А поэтому особенно важно соблюдать принцип эффективной культурной политики и добиваться культурной самоорганизации общин финно-угорских народов как на территории их национально-государственных образований, так и за их пределами. Именно культур-

ная самоорганизация, а не государственное спонсирование масштабных культурных акций придаст культурным явлениям народа символическую ценность и в большей мере способна поддержать этничность, чем парадные мероприятия. Но очевидно, что возможности культурной самоорганизации ограничены и государственная поддержка культурам этниче-

ских меньшинств необходима. С рязную пользу может принести и помощь со стороны зарубежных организаций, в частности европейских стран с родственным финно-угорским населением, особенно если эта помощь не будет иметь форму культуртрегерства, а будет носить сугубо прагматичный характер.

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ФИННО-УГРОВ

Среди определенной части российских приверженцев идеи «Финно-угорского мира», многих западных ее сторонников есть понимание того, что эту идею нельзя рассматривать как некую реальность. Поэтому идеологическая конструкция «финно-угорского мира» сегодня, прежде всего, является инструментом, который позволяет создавать дополнительные гарантии того, что этнические меньшинства будут не только сохранены, но и явятся объектами целенаправленной государственной политики, получают поддержку от международных институтов.

Еще до вступления Эстонии и Венгрии в Европейское сообщество некоторые зарубежные коллеги заявляли в открытых дискуссиях, что после того, как западные родственники российских финно-угров в полном составе станут членами единой европейской семьи народов, надо задуматься над тем, как строить отношения в рамках «финно-угорского мира» в условиях новой политической реальности. Высказывалась даже мысль, чтобы российские финно-угры и регионы их проживания стали ассоциированными членами Европейского Союза, поскольку перспектива вступления в Союз России представляется очень отдаленной.

Конечно, идея ассоциированного членства российских «финно-угорских регионов» в ЕЭС выглядит пока как довольно утопический проект, но ряд российских аналитиков признают, что Россия не может стоять в стороне от интеграционных процессов, набирающих силу в Европе и ей пора подать заявку в Евросоюз. Заявку подавать, конечно, необходимо, как бы ни оценивали сей шаг державники, профессиональные патриоты и прочие штатные борцы за величие страны. Но раньше Турции в ЕЭС России не быть. Тем не менее необходимо создавать условия для движения России в ЕЭС. Это, конечно, прежде всего, касается роста экономики, формирования и укрепления демократических институтов в стране, но не только. За те 10 лет, что между Россией и ЕЭС существует Соглашение о партнерстве каких-то зримых интеграционных проектов реализовано не было. Инициированная Финляндией программа Евросоюза «Северное измерение», рассчитанная прежде всего на продвижение совместных с Россией проектов Евросоюза на Европейском Севере России по существу провалилась. Виной тому и евробюрократия, и российские власти как федераль-

ные, так и региональные, не сумевшие наполнить программу реальным содержанием.

Но негативный опыт не может быть основанием для того, чтобы совсем отвергнуть идею интеграционных проектов между ЕЭС и Россией. Так, вполне конструктивная идея формирования «еврорегионов» на территории России может и должна, вероятно, базироваться на историческом и этническом фундаменте, т. е. учитывать исторически сложившиеся культурные и экономические связи. В этом отношении финно-угры и их субэтнические формирования оказываются весьма политически востребованы. Пока, правда, политики разыгрывали «финно-угорскую» карту только ориентируясь на соображения текущего политического момента, не думая об исторической перспективе.

Радикалы в Эстонии использовали идею разделенного народа (сету) для того, чтобы требовать от России возвращения Печорского района Псковской области, который по Тартускому мирному договору 1920 г. Советская Россия уступила Эстонской Республике, а в 1944 г. переподчинила административно псковским властям. В результате этнографическая группа сету (православных эстонцев) оказалась сначала просто административно разделенной, а затем и расколота государственной границей, которую сету признавать не хотели. Большая их часть (по примерным оценкам около 10 тыс. чел.) оказалась в Эстонии, а меньшая (несколько сотен человек) осталась в России.

Межгосударственной проблемой по существу стала и проблема Ингерманландии. Несмотря на то, что финны-ингерманландцы как репрессированный народ (депортации в Ингерманландии начались еще в 1930-е гг.) были реабилитированы (хотя именно о них в соответствующем законе ничего не говорится), власти на

местах не очень торопились восстановить справедливость и уж, конечно, никто не думал о восстановлении прежней процветающей Ингерманландии, где к началу XX столетия в лютеранских приходах числилось 120 тыс. прихожан (перед Первой мировой войной численность ингерманландцев в России достигла 170 тыс. чел.). Президент Мауно Койвисто, полагая, видимо, что надо как можно скорее постараться дать ингерманландцам кусок хлеба с маслом, объявил в 1990 г. ингерманландцев репатриантами и этим своим решением по существу перечеркнул начавшийся болезненный процесс повторной консолидации ингерманландцев в единое сообщество в пределах его исторически сложившихся границ. В результате за одно десятилетие ингерманландская проблема по существу была снята с повестки дня, поскольку из десятков тысяч ингерманландцев, зафиксированных переписью 1989 г. на территории России и Ленинградской области, почти никого на родине не осталось. Теперь не только в России, но и в Финляндии многие сомневаются в правильности решения финского руководства, поскольку значительная часть «русских финнов» так и не смогла полностью интегрироваться в финское общество.

Российские аналитики и политические деятели не отстают от своих западных коллег по уровню глубины анализа этнополитических проблем, поскольку нередко видят в финно-угорском движении не его потенциальные возможности, а мифические угрозы российской государственности.

Думается, сегодня надо по-иному взглянуть на финно-угров и попытки сформировать единое финно-угорское культурное пространство громко именуемое «финно-угорским миром». Финно-угорские регионы, действительно, могут стать своеобраз-

разными «мостами», зонами усиленной интеграции между ЕЭС и Россией.

В Карелии уже реализуется проект создания «Еврорегиона Карелия», в который с российской стороны вошла вся Республика Карелия, а с финской – Северная Карелия, Северная Похьянмаа и Кайнуу⁴⁵. Создание такого региона означает переход к иному уровню и качеству приграничного сотрудничества, создание общей инфраструктуры, решение ряда правовых и административных проблем. Итогом реализации данного проекта должна стать интернационализация экономики и преодоление экономического разрыва между регионами по обе стороны государственной границы, новое качество жизни населения.

Культурно-исторические основания, заложенные в идею карельского еврорегиона, могут с успехом быть положены и в основу создания еврорегиона Сетомая. Это тем более очевидно, что старшее поколение эстонских сету до сих пор воспринимает город Печоры как своеобразную столицу Сетомая, а расположенный там Псково-Печорский монастырь как свой духовный центр. Еще одним дополнительным свидетельством в пользу создания такого региона является то, что конгресс сету, прошедший в 2002 г., потребовал ввести для них исключительное право двойного русско-эстонского гражданства, которого эстонское законодательство не допускает. Этот же VI Конгресс обратился к властям Эстонии и Российской Федерации с просьбой разрешить пограничные проблемы так, чтобы сохранить историческую и культурную целостность сету. Создание еврорегиона снимет многие проблемы, встающие сегодня и перед властями Эстонии, и перед властями России.

Третьим еврорегионом, который может быть создан по культурно-историче-

ским основаниям, логично сделать еврорегион Инкери (или Ингерманландия). Он должен расположиться на тех землях в Ленинградской области, где традиционно проживали ингерманландцы, водь, ижора. Вероятно, в его состав может войти и небольшая часть территории северной Эстонии (в Сетомая – часть территории южной Эстонии). Близость к Санкт-Петербургу, портам, южной Финляндии и индустриальной северной Эстонии способна сделать из этого региона своеобразную «силиконовую долину» Финского залива. Параллельно этот еврорегион может помочь и решению проблем русского населения северо-востока Эстонии.

Конечно, идея данных еврорегионов имеет сегодня не очень внушительное культурное основание, ибо, по данным переписи 2002 г., в России осталось 200 сету, 300 ингерманландцев, 400 ижорцев и около сотни человек, относящих себя к водь. В Эстонии, по данным переписи 2000 г., тоже осталось чуть более 300 ингерманландцев из 15 тыс., зарегистрированных переписью 1989 г. Но если формирование этих регионов пойдет успешно, не исключено, что численность ингерманландцев (многие тысячи которых стремительно покинули неласковую родину) на этих землях вновь возрастет. Тем самым будут исправлены преступления советской эпохи и ошибки и упущения в национальной политике властей современной России и Финляндии. Нам представляется, что использование этнокультурного фактора для развития европейского сотрудничества вполне вписывается в идею Большой Европы и согласуется с теми конкретными рекомендациями по развитию процесса «европеизации», которые высказываются экспертами. В частности, один из таких экспертов Майкл Эмерсон подчеркивает, что для углубления названного процесса необходима

«выработка свежего взгляда на существующие и возможные типы институционального объединения государств и образований в Большой Европе и ЕС, чтобы обеспечить максимум стимулов для европеизации без или до полного присоединения»⁶.

Идея «этнических» еврорегионов – это только один из возможных вариантов развития отношений между единой Европой и реформирующейся Россией, в основание которой положен культурно-исторический фактор. Возможны и другие идеи. Особенно важно развивать сотрудничество в образовательной сфере и прежде всего в области организации школьного образования в сельской местности.

Сегодня сельским школам в регионах проживания российских финно-угров, как воздух, нужны новые здания, учебники и, конечно, компьютеры (с выходом в интернет), а сельским учителям – увеличение зарплаты. Только получая качественное образование сельские школьники могут стать конкурентоспособными на рынке труда, могут чувствовать себя полноценными партнерами в межобщинном диалоге, а любая иная ситуация будет снижать значимость их этнической принадлежности, провоцировать усиление ассимиляции. Поэтому глобальное совершенствование сельского образования есть насущная необходимость. Вот сюда и следует тратить деньги, а первая программа национального развития для любой «финно-угорской» республики (и для всей России в целом) должна называться «Сельская школа».

Как и по остальным вопросам социальной жизни финно-угорских народов, в отношении школьного образования у идеологов финно-угорского движения полностью доминирует культурологический подход. Лидеры национальных движений

придают особое значение проблеме школьного образования, но акцентируют внимание только на одну сторону этой проблемы: они настаивают на необходимости скорейшего создания национальной школы, т.е. школы, в которой бы весь образовательный процесс осуществлялся на национальных языках. Об этом, в частности, сказано и в итоговой резолюции IV Всемирного конгресса финно-угорских народов.

Национальная школа, конечно, мощный инструмент для сохранения языковой компетенции молодежи финно-угорских народов, но, во-первых, как показали наши последние исследования, сама финно-угорская молодежь в большинстве своем отнюдь не является сторонницей обязательного введения обучения Национальному языку в школах (один этот факт ставит под сомнение многие выкладки лингвистов, активистов национальных движений и разного рода экспертов), а, во-вторых, есть ряд чисто практических соображений, которые позволяют усомниться в необходимости ускоренной «этнизации» школы.

Прежде всего, нет ни достаточного количества кадров учителей, ни достаточного количества учебников и учебных материалов для полномасштабного перевода школ на национальные языки. Подготовка учителей и учебников займет не один год и потребует значительных затрат и при этом нет уверенности в том, что состав такого учительского корпуса удастся полностью укомплектовать, и он будет достаточно квалифицирован. Во-вторых, во многих языках просто нет научно-технической, общественно-политической лексики и преподавать химию, физику, геометрию и ряд других дисциплин на этих языках не представляется возможным. В-третьих, конкуренция языков и культур (особенно в полиэтничных регионах) неизбежна и успех в этой конку-

ренции обеспечивает не наличие национальных школ, а усиление символической значимости языка и культуры меньшинств, чего не достичь одними техническими мерами. Ну и, наконец, полный перевод школ на национальные языки приведет к тому, что молодежь будет иметь ограниченные возможности для повышения своего образовательного уровня, ибо высшая школа, как была, так и останется русскоязычной. Недостаточный уровень владения русским языком будет не только ограничивать возможности конкуренции финно-угорской молодежи на образовательном рынке, но может привести и к тому, что молодые люди станут чувствовать себя социальными аутсайдерами и причину такого положения дел будут усматривать в своей этнической принадлежности.

Наиболее значимым сегодня представляется задача получения именно качественного школьного образования в сельских школах, ибо сельские школьники все более отстают от своих городских сверстников по уровню подготовленности, а в связи с этим сокращается и доля студентов представителей финно-угорских этносов в вузах национальных республик. Это значит, что усиливается социальное отставание титульных этносов от доминантного большинства населения Карелии, Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии, ибо на рынке труда наиболее престижные и оплачиваемые места достаются представителям других этнических общин.

Прежде всего, нужно резко повышать качество преподавания в сельских школах, а для этого надо привлекать в них хорошо подготовленных учителей и значительно повышать им заработную плату (заодно и решать вопрос обеспечения их жильем), обеспечивать школы современным оборудованием и учебными материалами, скорейшим образом завершить

полную компьютеризацию сельских школ, начинать масштабное строительство новых современных школ, которые бы по своим архитектурным и техническим решениям превосходили городские, ибо школы сегодня становятся главными культурными и общественными центрами в сельской местности. Если качество преподавания в сельских школах, пусть даже и национальных, будет оставаться низким, то это станет последовательно снижать значимость и символическую ценность национальной культуры, этнической принадлежности и стимулировать процессы ассимиляции. Очевидно, что только за счет кадров национальных учителей поставленной задачи повышения качества преподавания в сельских школах не решить, а значит сегодня необходимо выбирать между качеством образования и национальной школой.

Через Консультативный комитет финно-угорских народов можно было бы разработать и осуществить международную поддержку создания сети эталонных сельских школ в районах проживания финно-угорских народов – школ XXI в. В этих школах, кстати говоря, можно было бы осуществлять и широкие образовательные эксперименты, в том числе по переводу всего образовательного процесса на национальные языки. Евросоюз мог бы поддержать эту программу финансово.

Вторая программа, жизненно важная для всего «Финно-угорского мира», а для российских финно-угров прежде всего, – это создание эффективного рыночно ориентированного аграрного производства (включая собственно производство, сбыт, кредитование, производственный сервис). Практически все финно-угорские нации и по сей день остаются преимущественно аграрными сообществами и именно село является той социальной средой, которая поддерживает стабильность финно-угор-

ских этносов, обеспечивает их демографическое и этнокультурное воспроизводство. Более того, перепись населения 2002 г. показала, что доля сельского населения в социальной структуре многих крупных финно-угорских этносов возрастает и поэтому роль аграрного населения как своеобразного «страхового фонда» этносов только усиливается. В городе представители финно-угорских этносов быстро растворяются в доминирующем иноэтничном населении и ассимилируются, город – это «ловушка» для преимущественно аграрных финно-угорских этнических сообществ.

Развивая марийское, коми, коми-пермяцкое, удмуртское, мордовское село, региональные власти будут осуществлять и программы поддержки титульных этносов. Именно эта задача должна стать важнейшей составной частью региональных программ социально-экономического развития и важнейшей составляющей региональной этнонациональной политики. Пока же село находится повсеместно в глубоком кризисе.

То, что средств для развития села не хватает, – это очевидно, но ведь в регионах нигде нет сколько-нибудь серьезных программ развития аграрного комплекса, а фермерство везде сознательно практически задушили. Венгерский языковед Янош Пустаи выступая с ключевым докладом на четвертом Всемирном конгрессе финно-угорских народов в Таллине говорил о высоком уровне смертности в коми деревне, о низкой рождаемости, о пьянстве и росте суицида, но ведь все это есть следствие глубокого аграрного кризиса, который переживает российское село в целом и коми село в частности, а также карельское, марийское, удмуртское, мордовское и т. д. В рамках сотрудничества финно-угорских стран и народов было бы целесообразно разработать программу под-

держки сельских производителей в районах проживания российских финно-угорских народов. Для этого полезно было бы использовать потенциал Конгресса и Консультативного комитета финно-угорских народов. Они могли бы стать инициаторами принятия программы Евросоюза по поддержке агропроизводителей в финно-угорских регионах России. Для этого можно было бы задействовать «финно-угорское лобби» в Европейском парламенте, тем более, что, как отметила в своем обращении к конгрессу эстонская делегация, у Финляндии, Венгрии и Эстонии, вместе взятых, там 44 представителя и «это большая сила». Для начала целесообразно было бы выбрать два самых бедных региона: Марий Эл и Коми-Пермяцкий округ, где с учетом европейского опыта и европейских стандартов необходимо начать создавать интегрированные в Евросоюз аграрные производственные системы. При этом речь не идет о масштабной финансовой помощи и масштабных проектах полного переустройства села на деньги Европейского сообщества. Концептуальные основы рыночного реформирования аграрного производства и аграрной политики России уже предложены специалистами⁷⁷. Однако имеющиеся предложения совершенно не учитывают этнического фактора, слишком общи и, естественно, не ориентированы на использование потенциала родственных культурных связей.

В данном же случае речь идет о внедрении модельных систем: модельных ферм по западноевропейскому образцу, модельных сервисных служб, модельных сбытовых организаций. И эти модели будут восприниматься не только как производственные модели, но и как культурное заимствование, в частности заимствование производственной культуры, а потому оно может быть более эффективно, чем

обычные программы содействия. Очевидно, что программа помощи не должна ограничиваться финансированием мероприятий и проектов, она должна иметь конечной целью создание работоспособной и саморазвивающейся сети агробизнеса. Более того, через данный проект и аналогичные ему можно начать производственную интеграцию России, а на начальном этапе – ее финно-угорских регионов, в единое общеевропейское про-

странство, в Евросоюз. Этот проект, вкупе с проектом создания сети финно-угорских еврорегионов («Карелия», «Ингерманландия», «Сетомаа») может сделать финно-угорское движение мостом между Россией и Евросоюзом и придать ему не только осязаемое практическое, но и важное символическое значение, сделать из движения лидера российской народной дипломатии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очевидно, что в развитии финно-угорских народов России имеет место целый ряд проблем. Проблема сохранения этничности, культурной специфики в числе актуальных и наиболее очевидных. Впрочем, та же проблема имеет место и для финно-угорских меньшинств во многих европейских странах. В Латвии – это проблема ливов. В Эстонии – это проблема сету, которые заявляют о том, что они являются особой культурной общностью и что власти страны не идут навстречу их требованиям (в программу переписи населения 2000 г. даже не был внесен этноним «сету», хотя по переписи 1934 г. было зафиксировано более 14 тыс. представителей данной этнографической группы). В Финляндии и Швеции – это проблема квенов, которые считают, что их статус не создает им условий для сохранения своей культурной специфики, и требуют, чтобы их уравняли в правах с саамами. Сами саамы в Швеции, Норвегии и Финляндии, несмотря на то, что имеют довольно четкий статус и особые права, регулярно выдвигают претензии в адрес центральных властей. Очевидно, что не все эти претензии оправданы и часто проблемы меньшинств соз-

даются политическими антрепренерами, о которых писал Ф. Барт², но также очевидно, что во всех названных странах не достигнут полный консенсус между интересами большинства и интересами меньшинств. Проблема такого консенсуса становится универсальной международной проблемой. Принципиально изменить положение финно-угорских меньшинств в России или в странах Европы возможно лишь при существенном изменении демографических пропорций, что не представляется возможным. Поэтому для сохранения этничности меньшинств нужны специальные меры поддержки, но каковы они должны быть, чтобы не нарушить принципа культурной свободы и политического равенства, решить довольно сложно. Здесь вряд ли возможны универсальные рецепты, а потому более эффективной и научно обоснованной должна стать не только государственная этнонациональная политика в целом, но и региональная. Очевидно, что для выработки такой политики и ее совершенствования необходимо критически обобщить весь опыт взаимодействия государств и этнических сообществ, который накоплен в Европе.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Прибалтийско-финские народы России. М., 2003.
- ² Марченко Г., Мачульская О. Инструмент новой региональной политики // Эксперт, 21–27 ноября 2005 г. № 44 (490).
- ³ Сарв Х. Финно-угры в России в ходе столетий // Финно-угорские народы и Россия. Таллин, 1994. С. 26–41.
- ⁴ Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами: X – начало XX в. М., 1982.
- ⁵ Котов О. В., Рогачев М. Б., Шабаев Ю. П. Современные коми. Екатеринбург, 1996. С. 38–62.
- ⁶ Шабаев Ю. П. Особенности этнической и гражданской идентификации коми и коми-пермяков // Чтения, посвященные 100-летию Ф. Г. Тараканова. Сыктывкар, 2000. С. 15–20.
- ⁷ Финно-угорский мир: Стат. сб. Сыктывкар, 2004. С. 11.
- ⁸ Финно-угорские регионы России: Стат. сб. Сыктывкар, 1999. С. 10.
- ⁹ Котов О. В., Рогачев М. Б., Шабаев Ю. П. Современные коми. Екатеринбург, 1996. С. 74.
- ¹⁰ Рокина В. В. Ненецкий язык: быть или забыть? По итогам «круглого стола» // Материалы научно-практической конференции «Ненецкая письменность и развитие национальных традиций народа». Нарьян-Мар, 2003. С. 132–135.
- ¹¹ Лукьянченко Т. В. Государственная политика и традиционная культура саамов. Проблемы возрождения // Расы и народы. Вып. 28. М., 2002. С. 11.
- ¹² Пуллар Г. Самоуправление коренных народов и политические институты на Аляске // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт: Сб. материалов Международного круглого стола «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока и система парламентаризма в Российской Федерации: реальность и перспективы» 12–13 марта 2003 г. Москва. М., 2003. С. 75–94.
- ¹³ Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 11–15.
- ¹⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. С. 180–188.
- ¹⁵ Шкляев Г. К. Бесермяне. Опыт этностатистического исследования // О бесермянах: Сб. статей. Ижевск, 1997. С. 118.
- ¹⁶ Мокшин Н. Ф. Целостность России – наш главный приоритет // Финно-угорский мир: история и современность // Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Секции исторических и педагогических наук). Саранск, 2000. С. 14. с. 14.
- ¹⁷ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.
- ¹⁸ Шабаев Ю. П. Республика Коми // На пути к переписи. М., 2003.
- ¹⁹ Уляшов О. Орбм вужъясысь кыбн кыввор // Войвыв кодзув. 2005. № 4.
- ²⁰ Штрихи этнополитического развития Коми республики. Очерки. Документы. Материалы. Т. 1. М., 1994. С. 128–129.
- ²¹ Штрихи этнополитического развития Коми республики. Очерки. Документы. Материалы. Т. 1. М., 1994. С. 146.
- ²² Феномен Удмуртии. Т. 2: Постигание суверенности: становление государственности Удмуртской Республики. Кн. 1: Сфера законодательной власти. Москва-Ижевск, 2002. С. 149.
- ²³ Клементьев Е. И. В поисках правовой защиты культурно-языковых интересов карел, вепсов, финнов Республики Карелия. М., 2003.
- ²⁴ Полуянов Н. А., Шабаев Ю. П., Мальцев Г. И. Коми-Пермяцкий автономный округ: Проблемы социально-экономического и национального развития. М., 2000.
- ²⁵ Абрамов В. К. Мордовский народ от съезда к съезду. Саранск, 2004; Бокин В. Н. Съезды мордовского народа как институт этнополитического влияния // Тезисы докладов Российской научно-практической конференции «Этнический фактор и политика. История и современность». Ижевск. 3–4 марта 2000 г. Ижевск, 2000; Мордовское национальное движение в XX в.: Материалы респ. науч. конф. Саранск, 2003.
- ²⁶ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
- ²⁷ Народный конгресс: Сб. материалов конгресса Народного фронта 1–2 октября 1988 г. Таллин, 1989.
- ²⁸ Пробуждение финно-угорского севера. Опыт Марий Эл. Т. 1. М., 1996. С. 237.
- ²⁹ Мартынов В. Самоопределение – необходим ответственный подход // Международная жизнь. 1993. № 7. С. 24.
- ³⁰ Коренное население. Глобальное стремление к справедливости: Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. М., 1990.
- ³¹ Республика, 28 ноября 1995 г.
- ³² Яшина Р. О путях и методах восстановления национального менталитета удмуртов // Финно-угорские народы и Россия. Таллин, 1994. С. 126.
- ³³ Штрихи этнополитического развития Коми республики. Очерки. Документы. Материалы. Т. 1. М., 1994; Пробуждение финно-угорского севера. Опыт Марий Эл. Т. 1. М., 1996; Юрченко В. А. Маторова: основные тенденции развития // Этнографическое обозрение. 1994. № 4; Кирдяшов В. Ф. О национализме в Республике Мордовия // Финно-угорский мир: история и современность: Материалы II Всерос. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000.
- ³⁴ Тишков В. Стратегия и механизмы национальной политики // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993. С. 40.
- ³⁵ Силланпяя Л. Возрождение саамского народа: реакция правительства на самоопределение саамов // Расы и народы. Вып. 28. М., 2002. С. 80–109.

- ³⁶ Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы. М., 1994. С. 463–467.
- ³⁷ Штрихи этнополитического развития Коми республики. Очерки. Документы. Материалы. Т. 1. М., 1994. С. 129.
- ³⁸ Национальное возрождение мордовского народа: состояние, проблемы и перспективы. Саранск, 2001.
- ³⁹ Шабает Ю.П. Идеология национальных движений финно-угорских народов и ее восприятие общественным мнением // Этнографическое обозрение. 1998. № 3.
- ⁴⁰ Ассамблея народов России: Материалы учредительной конференции. М., 1999.
- ⁴¹ Saariinen S. The Myth of a Finno-Ugrian Community in Practice // Nationalities Papers. V. 29. № 1. 2001. P. 50.
- ⁴² Штрихи этнополитического развития Коми республики. Очерки. Документы. Материалы. Т. 1. М., 1994. С. 227.
- ⁴³ Пробуждение. 1996. С. 247.
- ⁴⁴ Штрихи этнополитического развития Коми республики. Очерки. Документы. Материалы. Т. 1. М., 1994. С. 258–260.
- ⁴⁵ Щербакова Т. Ассоциация финно-угорских народов и перспективы развития этноориентированных организаций в XXI в. // Рубеж. Альманах социальных исследований. 2003. № 18. С. 115.
- ⁴⁶ Ханникийнен Л. Действительность законодательства о правах национальных меньшинств и коренных народов на государственном и региональном уровне и его соответствие современным условиям // Финно-угорский вестник. Информационный бюллетень. 2000. №3 (19). С. 37–40.
- ⁴⁷ Независимая газета. 4 октября 2002 г.
- ⁴⁸ Исхаков Д.М. Модель Татарстана: «за» и «против» // Суверенный Татарстан. Документы. Материалы. Хроника. Т. 2: Современный национализм татар. М., 1998. С. 90.
- ⁴⁹ Яналов В. Финно-угорский мир: состояние, тенденции // Финно-угорский вестник. Информационный бюллетень. 1998. №2 (11). С. 7.
- ⁵⁰ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000.
- ⁵¹ Шабает Ю. Коми движение и «финно-угорский мир»: каковы перспективы? // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2004. Бюл. № 55. С. 40–45.
- ⁵² Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М., 2003. С. 13–15.
- ⁵³ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. С. 113.
- ⁵⁴ Ачкасов В.А., Бабаев С.А. «Мобилизованная этничность»: этническое измерение политической культуры России. СПб., 2000. С. 5.
- ⁵⁵ Александров О. Роль Республики Карелия во внешней политике и политике безопасности России // Россия перед глобальными вызовами: панорама региональных стратегий. Нижний Новгород; Цюрих, 2002.
- ⁵⁶ Эмерсон М. Формирование политических рамок Большой Европы // Современная Европа. 2004. № 3.
- ⁵⁷ Перспективы реформирования аграрной политики России. М., 2004.
- ⁵⁸ Barth F. Introduction // The Role of the Entrepreneur in Social Change in Northern Norway. Bergen; Oslo, 1963.